

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев

I

Развитие русской журналистики с каждым годом становится шире; возникают новые журналы и в короткое время приобретают себе значительный круг читателей; между тем старые журналы продолжают свое существование, и число их подписчиков несколько не уменьшается. Периодические издания расходятся по всем концам России, и идеи, выработанные в тиши кабинета, за письменным столом, становятся достоянием целой обширной страны, становятся почти единственною умственной пищею для нескольких десятков тысяч людей. Большинство публики читает одни журналы, это факт, в котором мог наглядно убедиться всякий, кто жил в провинции и бывал в обществе какого-нибудь уездного города. Один экземпляр "Современника" или "Русского вестника" {1} читается целым городом, переходит из рук в руки и возвращается обыкновенно к владельцу в самом жалком, истрепанном виде, так что ему приходится только сказать: "Расчитали вдребезги". При этом некоторые отделы остаются совершенно не тронутыми и даже не разрезанными; отметить подобные отделы было бы, конечно, любопытно для физиологии общества, но я не с этою целью повел речь о распространении журналов в массе читающей публики. Кроме журналов, этой публике действительно читать нечего. Отдельные книги издаются теперь чаще прежнего, но их все-таки мало; кроме того, они имеют или ученый, или учебный характер; это - или исследования, или популярные руководства, а учиться большинству нашей публики не желает, вероятно потому, что воспитание, данное ей в школе, было дурно и оставило после себя на всю жизнь полнейшее отвращение к тому, что отзывается школою или книжною ученостью. Сочинения Пушкина, Лермонтова и Гоголя знают почти наизусть люди, одаренные эстетическим чувством и сколько-нибудь развитые в литературном отношении; что же касается до большинства, то оно или вовсе не читает их, или прочитывает их один раз, для соблюдения обряда, и потом откладывает в сторону и почти забывает. Перечитать во второй раз художественное произведение потому только, что оно художественно или проникнуто глубокою мыслью, - это такой подвиг, которого возможность понимают далеко не все и на который решаются очень немногие. Между тем журналы неотразимою силою привлекают к себе этих господ: во-первых, они дают свежие новости; во-вторых, разнообразие, часто даже пестрота оглавления дает каждому все средства выбрать себе чтение по вкусу и по плечу; в-третьих, одна книжка не успеваешь еще приглядеться, как она сменяется новою, и провинциальный читатель следит за идеями и интересами века, не успевая соскучиться и не утомляя свой мозг усиленною работою. Все это было бы очень хорошо; литераторы и публика удовлетворяли бы друг друга, но дело в том, что на практике выходит совсем не то, что выходило в теории. Пишущие люди забывают, что они пишут не для себя, а для общества, литераторы составляют замкнутый кружок; этот кружок внутри себя вырабатывает идеи и убеждения и передает публике результаты, которые часто оказываются понятными только тогда, когда мы знаем, как они вырабатывались и формировались; один кружок сталкивается в мнениях с другим, начинается спор, которого предмет остается темен для публики; между тем публика читает полемику, видит, как горячатся оба противника, и с любопытством следит за скандальною стороною дела. Не вините в этом публику; поставьте себя на ее место; представьте себе, что при вас происходит спор на непонятном для вас языке. Если вы не выйдете из комнаты, то вы, вероятно, почти невольно будете следить за выражением лица и за мимикою спорящих личностей. То же самое делает публика. О предмете ученого или литературного спора она судить не может, потому что спорящие литераторы большею частью забывают о ее существовании и не делают ни шагу для того, чтобы пояснить ей, в чем дело. Они ссылаются на иностранные авторитеты, на собственные сочинения или статьи, разбросанные по разным журналам или напечатанные лет десять тому назад, наконец на голос внутреннего чувства, как сделал Погодин на диспуте с Костомаровым или покойный Хомяков, восставая в "Русской беседе" против материализма. {2} Оправляться по всем этим ссылкам мудрено; у публики не достало бы на это ни досуга, ни терпения. Следовательно, останется ей две дороги: или вовсе не читать спора, или, читая его, втихомолку посмеиваться над тем, как горячатся спорящие стороны. Публика так и делает.

II

Вопрос о народности, сближение с народом, изучение народности - эти слова слышатся на каждом шагу и встречаются на каждой странице наших больших журналов. Идеи этих слов мудрено не сочувствовать, трудно в этих святых

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
словах не видеть великой задачи времени, самого животрепещущего интереса нашей будущей истории. Но, с другой стороны, нужно быть в высшей степени доверчивым и добродушным оптимистом, чтобы от наших журналов ожидать действительного сближения с народом. "Русская беседа" в течение нескольких лет печатала дельные и основательные исследования Хомякова, Киреевских, Аксаковых, Беляева; "Отечественные записки" в прошлом году приложили к своему журналу целый сборник песен г. Якушкина; в "Светоче" во всех подробностях описана русская свадьба; "Современник" принужден выслушивать замечания со стороны "Отечественных записок" за то, что мало занимается народным элементом; новый журнал "Время" на интересах народности строит всю свою программу, {3} и что же из этого выходит, какие практические следствия ведут за собою все эти благородные стремления? Ровно никаких. Они дадут только будущему библиографу материалы, по которым он будет в состоянии сделать ошибочный вывод такого рода: "В половине XIX столетия вопрос о народности возбуждал к себе сильное сочувствие в читающей части русского общества". Этот вывод будущего библиографа я смело решаюсь назвать ошибочным, на том основании, что "Современник" и "Русский вестник" пользуются наибольшею популярностью, несмотря на то, что первый отличается космополитическим направлением, а второй занимается гражданской жизнью Западной Европы гораздо пристальнее, нежели интересами нашей народности. {4} Если, сверх того, принять в соображение тот факт, что "Русская беседа" существует почти без подписчиков, то нетрудно будет убедиться в том, что наша журналистика не успела приохотить к ознакомлению с народностью даже ту часть публики, на которую она может иметь непосредственное влияние. О влиянии на простой народ, о фактическом сближении с ним путем журнальной литературы - смешно и говорить. Наш народ, конечно, не знает того, что о нем пишут и рассуждают, и, вероятно, еще лет тридцать не узнает об этом. Житейских, осязательных результатов он, вероятно, долго не увидит, потому что стремления не переходят в дело и остаются на страницах журналов, к обоюдной выгоде редакции и сотрудников. Что вопрос об эмансипации разрешился независимо от журнальных толков, в этом, конечно, нельзя винить журналистику; эмансипация была делом правительства и совершается административным путем. Но воскресные и бесплатные школы? {5} Это было делом общества, а между тем этот вопрос прошел мимо журналистики, и журналы ограничились тем, что отметили совершившийся факт на страницах своей современной летописи или хроники. Не журналы возбудили этот вопрос, и литература не указала обществу на его насущную потребность, а только оговорила эту потребность уже тогда, когда ее существование было признано всеми, когда уже были приняты меры для удовлетворения этой потребности. Любопытно было бы знать, можно ли указать хоть на одно полезное дело, хоть на один живой вопрос народной жизни, который был бы возбужден и решен нашими журналами и который не остался бы на бумаге, а хоть на одну йоту увеличил бы материальное и нравственное благосостояние нашего народа. Я почти уверен, что ответ на этот вопрос получится отрицательный. Причины этого явления я постараюсь разобрать в самых общих чертах.

III

Внешняя физиономия нашего общества слагается, конечно, помимо литературы. Наша журналистика не может иметь никакого влияния на решение административных вопросов, {6} следовательно, эту сторону дела я могу совершенно выпустить из моего рассуждения. Само собою понятно, что статьи "Русского вестника" об английском jury {Суд присяжных (франц.). - Ред.} или об английском парламенте имеют для нас интерес чисто научный и нисколько не могут содействовать нашему гражданскому воспитанию, потому что граждан воспитывает жизнь, а не книга. Точно так же понятно, что сблизиться с народом мы путем журналистики не можем; сблизается с народом тот, кто живет среди его, кто видит его каждый день в разных видах и положениях, у кого есть с ним общие интересы и общие стремления. Нет сомнения, что помещики лучше петербургских и московских литераторов знают быт и характер простого народа; они знают народ в самом будничном и непривлекательном виде; у них происходят с ним ежедневные столкновения, которыми ожесточаются обе стороны; под влиянием этих столкновений у впечатлительного человека портится характер и формируется мрачный и негуманный взгляд на личность русского простолюдина; все это справедливо, но зато в основу этого взгляда ложится не теория, а непосредственный опыт, и вследствие этого понятие, которое сложилось в голове практического хозяина о типических особенностях русского крестьянина, будет всегда ярче и определеннее в частности, чем понятие теоретика-литератора, воодушевленного самыми бескорыстными и гуманными стремлениями. {7} Практическое сближение с народом - дело до такой степени важное, что его нельзя предпринять между прочим, толкуя о

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
Бокле и Стюарте Милле; какая-нибудь поездка по России может оставить в воображении несколько типических фигур, которые годятся для альбомного рисунка или для легкого литературного очерка; но внутренний смысл этих фигур дается не сразу и постепенно изменяется по мере того, как вы подходите к ним ближе и вглядываетесь внимательнее в их выражение и обстановку. Словом, журналистика, проводящая общечеловеческие идеи в русское общество, нуждается в посредниках, которые проводили бы эти идеи к народу. В настоящее время народ еще не в состоянии сознавать эти идеи, обращать их в свое умственное достояние, органически перерабатывать их силою собственного мышления; пусть он по крайней мере чувствует на себе их благотворное, согревающее влияние, русский крестьянин, быть может, еще не в состоянии возвыситься до понятия собственной личности, возвыситься до разумного эгоизма и до уважения к своему _я_: пускай же он почувствует по крайней мере какую-то перемену в окружающей атмосфере, пускай почувствует, что с ним обращаются _господа_ как-то не по-прежнему, а как-то серьезнее и мягче, любовнее и ровнее. Такого рода перемена в обращении не укрылась бы от его внимания и изменила бы его нечувствительно для него самого. "Чем более вы будете обращаться с мальчиком как с джентльменом, тем скорее он действительно превратится в джентльмена" это основное положение американской педагогики, и это положение может быть применено к делу везде, где эмансипация идет не снизу вверх, а сверху вниз. Чтобы русский мужик почувствовал "эту благодетельную перемену, нужно, чтобы наше провинциальное дворянство и мелкое чиновничество перестало быть тем, что оно теперь. Гуманизировать это сословие - дело литературы и преимущественно журналистики. Это дело, конечно, исполнимее сближения с народностью или гражданской реформы путем журнальных статей. Это дело требует дружных усилий и долговременного труда, но какое же действительное усовершенствование в сфере гражданской жизни не требует времени, труда, траты сил и единокровия? По крайней мере можно сказать одно: это - цель достижимая, и это, может быть, единственная задача, которую может выполнить литература и которую притом только одна литература и в состоянии выполнить. {8} Это среднее сословие, гуманизованное общечеловеческими идеями, может сделаться посредником между передовыми деятелями русской мысли и нашими младшими братьями - мужиками, в избу которых, конечно, никогда не заходят книжки журналов, стоящих 15 руб. сер. в год. Ни грошовые издания, о которых было говорено в мартовской книжке "Русского слова", ни "Народное чтение", {9} о котором нужно будет поговорить со временем, не принесут народу никакой чувствительной пользы. Эти книги написаны людьми, имеющими какое-то отвлеченное, книжное понятие о народе, старающимися приноровиться к его потребностям и обнаруживающими в своих попытках полнейшую непрактичность, полнейшее незнание той почвы, которую они хотят возделывать. Но не забывайте, что в нашем обществе есть тысячи людей, понимающих наш книжный язык, носящих наш костюм, словом - _господ_, которые в состоянии прочесть и понять ученую статью в журнале и которые в то же время живут среди народа, в деревнях и уездных городах нашего обширного отечества. Эти люди поневоле выучиваются говорить с народом и присматриваются к его потребностям; эти люди по самому своему положению стоят на рубеже двух элементов, общества и народа, и как будто призваны быть передатчиками и проводниками идей и знаний сверху вниз. Отчего же мы ими не пользуемся? Оттого, мне кажется, что до сих пор мало обращали на них внимания. Наша журнальная критика и журнальная наука могла особенно благодетельно действовать на это сословие, но, к сожалению, ни критика, ни наука не имели в виду этого класса читателей и не заботились даже о том, чтобы сделаться доступными им по форме. В настоящее время вы не найдете почти ни одной критической статьи, которая была бы вполне понятна человеку, не имеющему специальных сведений по тому кругу предметов, к которому относится статья. Обыкновенному читателю такая статья представится непрерывным рядом намеков, в которых он будет смутно чувствовать какую-то общую связь, но в чем состоит эта связь и что говорят эти намеки, это останется ему совершенно непонятным. Опять-таки доказательство того, что если целые отделы наших журналов остаются неразрезанными, то виновата в этом не публика. Наши журналисты мечтают о гражданской жизни и о сближении с народом, и эти бесплодные мечты отвлекают их от настоящего дела, от действительной обязанности, от живого общения с тою сферой читателей, которая ждет от них притока знаний и идей. Кроме того, кроме этого мира благородных, но неосуществимых мечтаний, {10} у наших журналистов есть целый мир закулисных тайн, и намеками на интересы этого мира пересыпаны их критические обзоры и полемические статьи. Этот мир мелких личных неприятностей, мир литературного кумовства и нелитературных перебранок дает себя чувствовать по временам в каком-нибудь журнальном скандале, которого "причина и истинная физиономия остаются непонятными для массы читающей публики. А между тем публику потчуют этими

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
скандалами, и она volens-nolens {Волей-неволей (лат.)}. - Ред.} узнает
факты, непонятные для нее и вовсе неинтересные.

IV

Но что же может и что должна сделать журналистика для той публики, которая исключительно занимается чтением журналов? Она должна разбить ее предрассудки и помочь ей выработать себе разумное мирозерцание. При этом она должна иметь в виду ту часть публики, которая способна подвинуться вперед, людей молодых и свежих, людей, способных принять истину и отрешиться от отцовских заблуждений. Для таких людей талантливый критик с живым чувством и с энергическим умом, критик, подобный Белинскому, мог бы быть в полном смысле слова учителем нравственности, да не той условной нравственности, которая осуждает г-жу Толмачеву, {11} а той широкой нравственности, которая желает только, чтобы человек был самим собою, чтобы всякое чувство проявлялось свободно, без постороннего контроля и придуманных стеснений. {12} Литература во всех своих видоизменениях должна быть в одну точку; она должна всеми своими силами эмансипировать человеческую личность от тех разнообразных стеснений, которые налагают на нее робость собственной мысли, предрассудки касты, авторитет предания, стремление к общему идеалу и весь тот отживший хлам, который мешает живому человеку свободно дышать и развиваться во все стороны. А то ли делает наша литература? К большей части вопросов жизни, науки или искусства она относится как-то нерешительно, как-то вполуповину, оглядываясь по сторонам, боясь колыхнуть авторитет, боясь оскорбить историю; эти оглядки, эти опасения часто имеют место в таком деле, в котором можно смело положиться на голос здравого смысла, в котором можно даже отдаться внушению непосредственного чувства. Возьмем пример: пермская дама прочла на публичном чтении стихотворение Пушкина; корреспондент одной газеты описал это чтение, стараясь для удовольствия публики блеснуть яркостью красок и не жалея риторических украшений; сотрудник другой газеты, также для удовольствия публики, начинает глумиться над описанием первого и, давши волю своему неопрятному юмору, с размаху задевает имя и личность читавшей дамы. Дело, кажется, ясное! Оно ясно до такой степени, что о нем, может быть, и вовсе не стоило говорить, но правильное чутье некоторых наших журналов показало им, что это - вопрос, для нас еще не решенный и требующий оговорок. Юморист газеты "Век" получил от лица нашей журналистики серьезный выговор за свои цинические выходы против личности женщины и за ретроградное направление своей статьи. Этот выговор можно было бы назвать донкихотством, если бы общественное мнение в России определилось настолько, чтобы все образованные люди решали в один голос важнейшие вопросы жизни. Но у нас решительно нет общественных убеждений; в каждом семействе происходит борьба между старыми понятиями и молодыми стремлениями; эта борьба и эти колебания порождают в жизни общества много противоречащих друг другу явлений; например, молодая девушка приходит в университет учиться, а профессор старается выжить ее из аудитории циническим тоном своей лекции. {13} Очевидно, эта девушка и этот профессор расходятся между собою во взгляде на такой простой и понятный предмет, как образование женщины; они представляют борьбу двух диаметрально-противоположных начал, Домостроя и XIX века. Обе стороны открыто несут свое знамя и понимают свою несовместимость. Но не все члены общества становятся решительно на ту или на другую сторону; большая часть так называемых серьезных людей держат нейтралитет и становятся в самые разнообразные положения в отношении к предмету спора; они обсуживают его, вводя в свои суждения такое множество оговорок и ограничений, что сущность дела становится мало-помалу неясною для самых жарких защитников того или другого мнения; качая мудрыми головами, эти рассудительные люди обвиняют обыкновенно обе спорящие стороны в крайности и в увлечении и сами стараются выбрать золотую середину, А возможна ли эта середина? Попробуйте стать посередине между негром и плантатором, между самодуром-отцом и дочерью, которую насильно выдают замуж, между мистицизмом и рационализмом. Примирения нет, и держать нейтралитет значит стоять совершенно в стороне и не принимать никакого участия в обсуждаемом вопросе. Нейтралитет, который стараются держать люди рассудительные, есть в сущности оптический обман, и, как оптический обман, он может быть опасен для неопытных глаз.

В нашем обществе есть много людей молодых, которые душою рады были бы пойти за светлыми и привлекательными идеями века, но которых останавливает, во-первых, то, что результаты этих идей совершенно расходятся с существующими формами жизни, и, во-вторых, голос рассудительных людей, выбравших мнимую золотую середину. Робость их неокрепшей мысли

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
останавливается на существующем порядке и на авторитете. Чтобы помочь этим людям, надо пользоваться случаем, брать примеры прямо из жизни и на этих примерах показывать приложение общих правил и руководящих идей. {14}

Протест наших журналов против Камня Виногорова был положительно полезен; он показал обществу, как наше литературное большинство понимает права женщины, и показал не в теоретическом рассуждении, а на живом примере. Но нерешительность отношений к простому и ясному делу нашла себе представителей в двух значительных органах нашей журналистики. "Отечественные записки" приняли шуточный тон, говоря об этом событии в отделе русской литературы (1861, апрель, стр. 143); осмеяли как школьническую проделку всю историю протеста и посетовали о том, что толки о женщине не уяснили значения семейного начала в России. "Русский вестник" отнесся к делу гораздо строже; у него все оказались виноваты: и Г-жа Толмачева, и фельетонист "Петербургских ведомостей", и юморист "Века", и в особенности Г. Михайлов и _спущенная им стая_. {15} на 17 страницах разбирается это дело, и разбор приводит к самым неожиданным результатам; сплеча высказываются смелые, по-видимому, мнения, которые на следующей же странице встречают себе такое же смелое опровержение. На стр. 24 говорится о том, что женщина в нашем обществе пользуется всеми разумными правами, а на стр. 36 прорывается признание, что "у нас девушка не легко отважится пройти одна по улице". Концы с концами сведены так, что вы при чтении не заметите противоречий, но если вы захотите отдать себе отчет в прочитанном, то общее впечатление выйдет самое смутное. Дело в том, что в подобном вопросе надобно отвечать ясно и категорически: да или нет. Меттерниховские полумеры, ответы и _да_ и _нет_ или _ни да_, _ни нет_ не приложимы и бессмысленны. Молодые женщины и девушки нашего общества чувствуют потребность учиться; у них пробуждается деятельность мысли; вопрос в том, дать ли им книги в руки или нет, пустить ли их в университет или нет. Давая им книги и пуская их в университет, мы, мужчины, собственно говоря, ничего не делаем, а только устраняем свое влияние и решительно не принимаем на себя никакой ответственности. Не давая книг и запирая двери университета, мы самым грубым образом посягаем на чужую свободу. Скажите же, в каком образованном обществе возможен такой вопрос? Ведь это все равно, что спросить печатно: нужно ли бить женщину кулаком или нет? Неужели для разрешения такого вопроса нужно обращаться к истории, уяснять значение семейного начала или ссылаться на права женщины перед Сводом законов, как то делает "Русский вестник"? Научный вопрос, историческое значение женщины в древней и новой России, можно обсуживать сколько угодно, и чем больше фактов вы наберете в летописях, тем полнее и серьезнее будет ваше исследование; но если вы в житейский вопрос вмешаете результаты ваших кабинетных трудов, то это будет напрасная трата времени.

А время вещь какая? {16}

Действительно, диалектические тонкости, в которые пускаются наши журналы по поводу самых простых и понятных вещей, как нельзя больше напоминают читающей публике знаменитого метафизика, свалившегося в яму и не решающегося без предварительного размышления схватить веревку, которую спускает к нему здравомыслящий человек. "Фразы заели нас", - говорит "Русский вестник" в своей статье о Г-же Толмачевой (1861, март, стр. 37). Это совершенно справедливо. Когда нужно приложить к делу здравый смысл, когда можно дать волю непосредственному чувству, мы пускаемся в фразы и выдвигаем вперед вычитанную теорию; живой факт превращается в отвлеченное, безжизненное и бесцветное понятие; это понятие мы поворачиваем во все стороны; на целых страницах мы переливаем из пустого в порожнее и в заключение подводим такие результаты, которые на завтрашний же день, как мыльные пузыри, лопнут от движения жизни. Жизнь идет мимо литературы, и журнальные теории одна за другою сдаются в архив и умирают,

v

Жизнь наша бедна внутренним содержанием, а между тем и эта бедная жизнь с ее потребностями и стремлениями отражается довольно ясно только в изящной словесности. Наша изящная словесность во всех отношениях стоит выше нашей критики, так что во многих случаях критика не была в состоянии дать отчета о художественном произведении, возбуждавшем всеобщее сочувствие в читающей публике. О "Воспитаннице" Островского не было сказано ни слова, а между тем как много говорит эта небольшая драма, какие живые личности и положения выступают перед воображением читателя! Если молчание критики о "Воспитаннице" произошло от невнимания, то это непростительная оплошность;

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org впрочем, трудно сделать подобное предположение; вернее то, что у нашей критики не достало сил разобрать аналитически те явления, которые в стройных образах явились перед творческим сознанием художника; сознание этого бессилия и нежелание отделаться фразами от замечательного произведения делает честь добросовестности наших критиков; но самый факт бессилия явление действительно существующее и в то же время очень печальное. На изящную словесность нам решительно невозможно пожаловаться; она делает свое дело добросовестно и своими хорошими и дурными свойствами отражает с дагерротипической верностью положение нашего общества. Во-первых, все внимание ее сосредоточено на среднем сословии, т. е. на том классе, который действительно живет и движется, для которого сменяются идеалы, взгляды на жизнь и веяния эпохи. Романы из жизни высшей аристократии и из простонародного быта сравнительно довольно редки, а явление писателя, подобного Марку Вовчку, писателя, сливающего свою личность с народом, составляет совершенное исключение. Это предпочтение наших художников к среднему сословию объясняется тем, что к этому сословию принадлежит почти все то, что пишет, читает, мыслит и развивается. Высшая аристократия и простой народ в сущности мало изменились со времен, например, Александра I; народ остался тем, чем был, и не переменял даже покрова платья; аристократия переменяла костюм, приняла какие-нибудь новые привычки, но образ мыслей, взгляд на жизнь остались те же и по-прежнему напоминают век Людовика XIV. Что же касается до среднего сословия, то каждое десятилетие производит в нем заметную перемену; поколение резко отличается от поколения; идеи европейского Запада действуют почти исключительно на высшие слои этого среднего класса; этот класс наполняет собою университеты, держит в руках литературу и журналистику, ездит за границу с ученою целью, словом, он выражает собою национальное самосознание. Художник, который ищет человеческих черт, а не бытовых подробностей, психологического, а не этнографического интереса, естественно обращается к этому классу и из него черпает материалы. Борьба идей, а не личностей, столкновение понятий и воззрений возможны только в этом классе. Предмет борьбы и столкновения характеризуют собою эпоху, и притом так верно, что хороший критик по одному внутреннему содержанию художественного произведения, которого герои взяты из среднего сословия, может определить безошибочно то десятилетие, в котором оно возникло. Сравните "Героя нашего времени", "кто виноват?" и "Дворянское гнездо", и вы увидите, до какой степени изменяются характерные физиономии и понятия из десятилетия в десятилетие.

Занимаясь преимущественно средним сословием, наша изящная словесность обращает свое внимание не столько на общество, сколько на человеческую личность. Психологический интерес в большей части наших романов и повестей преобладает над бытовым и социальным. Действие происходит обыкновенно внутри семейства и почти никогда не приводится в связь с каким-нибудь общественным вопросом. В этом обстоятельстве также отражается явление русской жизни; дело в том, что у нас, собственно говоря, нет общества, и до сих пор не бывало таких движений, которые бы заинтересовали всех и дали почувствовать каждому, что он не только Петров или Иванов, но в то же время гражданин России; у нас есть множество отдельных кружков, которые друг друга не знают и знать не хотят; внутренняя связь этих кружков иногда имеет очень определенный смысл, а иногда вовсе не имеет смысла; в некоторых случаях кружок составляется из людей, связанных между собою симпатией, единством убеждений, сходством характеров; большею частью кружки основаны на "связи чисто случайной, на родстве или на свойстве, на соседстве по деревне, на товариществе по службе, на встрече за бутылкою вина. Физиономию кружка часто очень удачно схватывает художник; в этой физиономии есть обыкновенно несколько типических черт, которые каждому русскому понятны и знакомы; другие черты, составляющие индивидуальную особенность того или другого кружка, тоже могут войти, в роман, потому что идея художника должна выразиться в самом определенном обособлении, так, чтобы выведенные личности были живыми людьми и в то же время представителями известного типа. Но для критики отсутствие связи между отдельными кружками составляет решительно камень преткновения; как судить об обществе; как наблюдать за проявлениями его жизни, когда общества нет и когда жизнь общества ни в чем не проявляется! Задача действительно мудреная, и за решение этой задачи критика наша берется, сколько мне кажется, не так, как следовало бы. За неимением общества она старается его выдумать; она пытается привить к нам общественные интересы и истощается в благородных, но бесполезных усилиях; она хочет сделать слишком много и потому ровно ничего не делает; она забывает, что критика может только обсуживать существующие явления, выражать потребности, носящиеся в обществе, а не порождать новые явления и не будить в обществе такие, потребности, для которых еще нет почвы в

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org действительности. Забегать вперед не дело критики; это значит разрушать живую связь между собою и читающим обществом; если критика 1861 года осталась не прочитанною или по прочтении не произвела на читателя никакого впечатления, то она навсегда пропала; ведь будущее поколение не станет же разрывать старые журналы, чтобы искать в них идеи, приходящиеся по душе. Журналистика – дело нынешнего дня; что не прочитано сегодня, то уже устарело завтра. Белинского издают и читают теперь преимущественно потому, что его с жадностью читали его современники, потому что он был учителем целого поколения, а не потому, что в его критике заключаются вечные истины. Белинский дорог нам не как мыслитель, а как выражение известной эпохи. Самые недостатки Белинского, его увлечения, порывы страстности, вредящие порою ясности критического взгляда, могли только содействовать успеху его критики. Эти недостатки принадлежали времени; их разделяли с Белинским лучшие люди той эпохи, и потому эти самые недостатки скрепляли связь между критиком и читателем.

Ничего подобного не встретишь в теперешней критике, потому что усвоить себе все сочувствия известной эпохи, все ее сильные и слабые стороны, словом, воплотить в себе эпоху может только сильный талант, а нашим критикам именно недостает силы и таланта. У них есть кой-какие знания, есть честные убеждения, благородные стремления, но нет той жизни, той энергии и огня, которые неотразимым обаянием действуют на общество и увлекают за собою умы читателей. Этим недостатком таланта объясняются ошибки нашей критики, ее бестактность и, главное, ее поразительная мертвенность. Человек талантливый творит по внутренней потребности; он увлекается процессом творчества за пределы всякой теории и увлекает за собою слушателей или читателей; он иногда ошибается, противоречит себе, потому что впечатлительность и подвижность мысли часто мешают ему размерять каждый шаг и взвешивать каждое слово. Трудолюбивая посредственность часто найдет случай уличить его в поверхностности, в поспешности выводов, в недостаточном знакомстве с фактами, но во всех этих ошибках, в самых противоречиях видна самородная сила мысли, от них веет жизнью, и во имя этого обаятельного дыхания жизни вы охотно извините талантливому человеку "отдельные пробелы и недосмотры; задаться какою-нибудь теориею и не отступать от нее в течение всей своей деятельности – это невозможно для талантливого человека; оторваться от интересов действительной жизни он решительно не в состоянии; его природа слишком восприимчива и впечатлительна, чтобы не отозваться на то, "что просит у сердца ответа". Он может расходиться с своими современниками в понимании житейских вопросов и важнейших интересов эпохи, он может вступить с ними в открытую борьбу на жизнь и на смерть, но предметом этой борьбы будет действительная почва, а не отвлеченная, схоластическая теория, созданная одностороннею работою мозга.

Современная критика грешит именно тем, что она задается теориями и изобретает жизнь, вместо того чтобы приглядываться и прислушиваться к звукам окружающей действительности. Бедны, однообразны эти звуки, не слагаются они в стройную гармонию, – все это правда, но ведь все-таки это действительность, и самая ее бедность и однообразие представляют нам факт, способный вызвать слово сочувствия у действительного поэта или навести истинного критика на плодотворные размышления. Эту бедность не замаскируешь самыми пестрыми декорациями фантазии, да и кого обманут эти декорации? Детей, не выучившихся отличать мишуру от золота, да тех жалких людей, у которых воображение преобладает над чувством и которые способны жить одною головою и удовлетворяться тем, что в их мозгу господствует строгая систематичность и существует гармоническое согласие между поселенными в нем идеями. Витать мыслью в радужных сферах фантазии или уноситься куда-нибудь за море к лучшему порядку вещей в то время, когда окружающие нас люди терпят горькую судьбу или несут тяжелый труд, – это такая способность сибаритства, которую обладают многие, но которая, к сожалению, недоступна человеку, одаренному живым чувством. Возле меня человек работает и страдает, терпит голод, холод и оскорбления, а я, сидя на мягком диване, после сытного обеда, боюсь даже пошевелить свою мысль и подумать о его положении; вздохнув *ex officio* {По обязанности (лат.). – Ред.} о несовершенствах жизни, я отворачиваюсь от некрасивого зрелища, отгоняю прочь серенькие впечатления и начинаю строить воздушные замки или рассуждать о парламентской реформе в Англии. Нет сомнения, что подобные спокойные и светлые размышления полезны для головы и для желудка; пульс бьется ровно, и пищеварение идет нормальным порядком, но что эти размышления – сон наяву, это, мне кажется, тоже не требует доказательств. {17}

Наша изящная словесность представляет интерес преимущественно психологический; она рассматривает человека, а не гражданина, не представителя известной эпохи, не члена известного общества. Черты народности, эпохи и общества встречаются в изобилии в создаваемых ею образах, потому что эти образы действительно художественны и, следовательно, вполне определены; но эти черты составляют только необходимые аксессуары, что же касается до главных пружин романического интереса, то они обыкновенно скрываются во внутреннем развитии отдельных характеров, в колорите, личных и семейных отношений главных действующих лиц. У нас не было исторического романа, за исключением "Капитанской дочки" Пушкина; у нас нет до сих пор социального или нравоописательного романа. В этом отношении литература служит верным отражением жизни; у нас каждый занят собою и своим семейным бытом; гражданские доблести и патриотическое чувство пробуждаются только тогда, когда всем угрожает опасность, как то было, например, в 1812 году; вызванное общею опасностью, это патриотическое чувство равносильно чувству самосохранения, возбужденному одновременно в нескольких миллионах людей. Эти миллионы поднимаются не для того, мне кажется, чтобы отстаивать какую-нибудь общую идею, а для того, чтобы защитить свои личные интересы. Поднимаются все вместе потому, что каждому отдельно грозит опасность. Эта разрозненность не подлежит сомнению. Хороша ли она или нет, это вопрос, и, мне кажется, вопрос далеко не решенный. Она мешает единству гражданского действия, но зато развивает личную оригинальность и самостоятельность. Трудно также решить a priori, составляет ли эта разрозненность черту русского характера или простое, временное следствие внешней организации нашего общества; как бы то ни было, факт существует, и, если можно, из него нужно извлечь пользу.

Вместо того чтобы проповедовать голосом вопиющего в пустыне о вопросах народности и гражданской жизни, о которых молчит изящная словесность, обладающая большим тактом, наша критика сделала бы очень хорошо, если бы обратила побольше внимания на общечеловеческие вопросы, на вопросы частной нравственности и житейских отношений. В уяснении этих вопросов нуждается всякий; эти вопросы затемнены и запутаны разным старым хламом, который не мешало бы отодвинуть в сторону, чтобы всем и каждому можно было непредубежденными глазами взглянуть на свет божий и на добрых людей. С важным видом взойти на кафедру и ни с того ни с сего начать проповедь о человеческих обязанностях и добродетелях было бы, конечно, смешно; я этого и не требую от нашей критики; но вы не забудьте того, что в каждой книжке каждого толстого журнала появляются повести и романы; хорошие произведения представляют нам характеры и образы, посредственные – выражают стремления и воззрения авторов; и те и другие могут дать повод к обсуждению разных сторон нашей вседневной жизни; а эти стороны нуждаются в пересмотре и в расчищении; это выразил еще в "Петербургском сборнике" талантливый и рыцарски-честный человек, автор статьи "Капризы и раздумье", {18} и эта мысль нашла себе полное сочувствие в теплой душе Белинского. Отношения между мужем и женою, между отцом и сыном, матерью и дочерью, между воспитателем и воспитанником все это должно быть обсуживаемо и рассматриваемо с самых разнообразных точек зрения. Это обсуждение не должно привести к составлению законов семейной нравственности. Боже упаси! Догматизм вреден в таких отношениях, в которых не должно быть ничего условного, в которых понятие обязанности должно совершенно уступить место свободному влечению и непосредственному чувству. Выражать свои мысли и убеждения об условиях домашней жизни должно не для того, чтобы навязать эти мысли современному обществу, а для того, чтобы натолкнуть его на мысль о необходимости подвергнуть тщательному и смелому пересмотру существующие формы, освященные веками и потому подернувшиеся вековою плесенью. Говорить мельком об условной или мещанской нравственности принято в современной литературе. Слово "условная нравственность" сделалось даже общим местом; повторяясь ежеминутно, это слово потеряло свой живой смысл и обратилось в побрякушку, не пробуждающую в нас никакого определенного представления; почему это так случилось? нас заели фразы, мы пустились в диалектику, воскресили схоластику и возвращаемся в заколдованном кругу слов и отвлеченностей, которые мешают нам видеть настоящее дело. Вот, например, г. Григорьев пишет целую статью об отношении искусства к нравственности, {19} статья по своему направлению соответствует духу времени, а между тем автор не выходит из сферы отвлеченностей и ни одного литературного типа не разбирает по отношению к затронутому вопросу; имен встречается довольно много, но по поводу этих имен высказываются замечания, относящиеся к истории литературы, но не бросающие никакого света на понятие условной и

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org истинной нравственности. Прочитав статью в 23 страницы, читатель убеждается в том, что г. Григорьев протестует против "условной нравственности", но самое понятие "условная нравственность" остается для него так же мало определенным, как, например, выражения того же критика: "литые формы" Карамзина ("Время", 1861, март) или "казовые концы" нашего общества ("Светоч", 1861, апрель). {20} Заявить в себе присутствие того или другого убеждения не трудно; тот факт, что вы прогрессист или обскурант, касается только вас самих и ваших ближайших знакомых; публика не нуждается в вашем голословном исповедании веры; оно ни для кого не поучительно и, может быть, даже не интересно; но если вы дадите себе труд развить отдельные мысли вашего мирозерцания, если вы покажете их приложение к делу в различных столкновениях с жизнью, тогда публика увидит степень самостоятельности и искренности ваших убеждений, степень их жизненности и практической применимости; она увидит, что можно задуматься над выраженными вами идеями, и, может быть, скажет вам спасибо за то, что вы дали ей повод к тем или другим размышлениям. Есть множество истин простых и понятных, которые, однако, не совсем легко применить, даже в теоретическом рассуждении, к отдельным случаям жизни. "Уважайте в себе и в других человеческую личность", - что может быть проще этого правила; вероятно, не найдется ни одного человека в мире, который решился бы спорить против этой мысли, выраженной в догматической форме; вероятно, никто не найдет этого изречения безнравственным; а между тем посмотрите вокруг себя - вы встретите на каждом шагу противоречия этому простому правилу практической нравственности; загляните в историю человечества, и вы убедитесь в том, что оно даже теоретически не уяснило себе этой идеи; религиозные войны, утопические теории, реформы с высоты административного величия или отвлеченной мысли доказывают ясно, что необходимость уважать человеческую личность не была признана во всем своем объеме ни мыслителями, от Платона до Гегеля, ни практическими деятелями, от Кира Персидского до Наполеона III. {21} Можно сказать решительно, что приложение принципа к делу гораздо важнее самого принципа; под одним знаменем могут стоять люди самых несходных характеров и даже до некоторой степени разноречивых убеждений. Вероятно, "Русский вестник" не решится выставить на своем знамени цитату из Домостроя; вероятно, он скажет смело, что ратует за прогресс и за свободу человеческой мысли и личности, а между тем он с ожесточением восстает против тех людей, которые выразили свое неудовольствие по поводу статьи Камня Виногорова, называет их стаею, спущенною г. Михайловым, а всю историю протеста клеймит именем возмутительного Гама на площадях русской литературы. Споры возникают в наше время не столько за принцип, сколько за отдельные частности в его приложении к делу; в основном принципе все порядочные люди более или менее согласны между собою; кто не сходится с нами в основании, с тем мы считаем всякий спор совершенно бесполезным; вероятно, ни один порядочный журнал не вступит в полемику с "Домашнею беседою" {22} и не откликнется ни одним словом на кривляния г. Аскоченского. Из всего этого следует, что критика будет тем живее и плодотворнее для общества, чем меньше будет в ней отвлеченности и общих взглядов, чем неуклоннее она будет следить за движением жизни и чем внимательнее будет обсуживать отдельные явления науки и искусства, даже отдельные случаи вседневной жизни.

Помилуйте, вы низводите критику на степень городской сплетницы, скажут с ужасом те литераторы, которые прежде всего гонятся за серьезностью направления и за величию и строгостью идеи. - Господа, - отвечу я, - не будем обманывать самих себя: ведь мы должны писать для общества, следовательно, должны заниматься тем, что всем доступно и всем может принести пользу. Какой-нибудь общественный скандал в данную минуту интересует публику гораздо больше, нежели решение вопроса о том, существуют ли у нас западники и славянофилы; по поводу этого общественного скандала вы можете развить несколько светлых идей и заронить в ваших читателей кое-какие задатки развития и движения вперед. Спрашивается, по какому же побуждению вы не воспользуетесь этим случаем? - Потому, - скажете вы, - что не желаете уронить достоинства идеи, не желаете вмешаться в толпу крикунов и свистунов, etc., etc. {23} что за щепетильность, что за брезгливость, что за фешенебельное и в то же время педантическое презрение к тем интересам, которые волнуют окружающих вас людей! Как критик, вы должны помогать общественному самосознанию и не оставаться сложа руки, когда общество рискует ошибиться или когда является возможность высказать ему несколько истин. Олимпийское спокойствие может быть очень уместно в ученом собрании, но оно никуда не годится на страницах журнала, служащего молодому, еще не перебродившему обществу. Если ваш утонченный слух не терпит резких звуков, откажитесь от критической деятельности, приводящей вас в соприкосновение с

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org живым и безалаберным миром людей; плохой тот медик, который бледнеет при виде крови и падает в обморок, когда нужно перевязывать рану больного; плохой тот критик, который не в состоянии вынести шума житейских толков и потому может познакомиться с жизнью только по книгам, написанным высоким слогом и проникнутым олимпийским спокойствием. Но, извините, между медиком и критиком большая разница. Медик не виноват в том, что у него слабы нервы; он борется с собою и не может победить себя; что же касается до щепетильного критика, то он, очевидно, напускает на себя дурь и даже любит тем величавым презрением, с которым он относится к суевающейся мелюзге. "Время" говорило о литературных генералах; {24} помилуйте, да у нас есть не только литературные генералы, а просто литературные богдыханы, которые сердятся за всякое громкое слово и пушат нас, как мальчишек, за отсутствие серьезности и за то, что мы смеем беспокоить их барские уши и нарушать их величавую полудремоту. Попробуйте написать резкую критическую статью: "Отечественные записки" сейчас обвинят вас в гарцевании, в срамословии и скверномыслии (sic!), а "Русский вестник" крикнет из Москвы: "Молчать, мальчишки, {25} не смейте рассуждать, когда я говорю!"

Все это было бы почти грустно, если бы не было в высшей степени смешно.

VII

Стремление к серьезности, господство теорий, переходящих порою в рутину, отвлеченность и вследствие этого безжизненность содержания и неясность внешней формы составляют неотъемлемое достояние нашей современной критики. Она гордится этими свойствами и держит в запасе несколько казенных фраз, которыми эти слабости и недостатки возводятся в высшие достоинства; отворачиваться от явлений действительности значит служить вечным интересам мысли; туманные отвлеченности называются философией; даже самый осязательный недостаток - неясность формы - не встретил себе до сих пор определенно выраженного протеста в печати. Словом, средневековая схоластика и египетская символика живут в нашей периодической литературе, несмотря на изобретение Гутенберга, которое, как мы знаем по самым элементарным учебникам, должно было разбить замкнутость ученого сословия и сделать науку достоянием массы. Схоластика оправдывается условиями своего времени; египетская символика вытекла из религии и поддерживалась народным характером, любившим таинственность и мистический мрак; но в наше время схоластическое отчуждение от жизни и символическая загадочность выражения составляют печальный анахронизм. Попытки некоторых критиков построить эстетическую теорию и уяснить вечные законы изящного решительно не удалась, и не удалась именно потому, что наш век уже не ловится на теории и не повинуется слепо вымышленным законам. Прошли те времена, когда Буало и Батте, законодатели ложного классицизма, могли произвольно обрезать область творчества и выбрасывать из нее все низкое (т. е. невысокое) и пошлое (т. е. обыденное). У нас в журнальной критике был момент, когда теория сразилась с интересами жизни и употребила все усилия, чтобы поворотить движение мысли туда, куда требовалось, согласно с буквою эстетического закона; схватка, происшедшая между теоретиками и практиками, была жаркая, и, как того следовало ожидать, теоретики не остановили течения жизни и отошли в сторону, пожимая плечами. Дело шло об обличительной литературе. Надо было решить, законное ли оно явление или нет. Собственно говоря, в решении этого вопроса никто не нуждался; публика с наслаждением читала "Губернские очерки" Щедрина, нисколько не заботясь о том, осудит или оправдает его наша критика; но рьяные систематики, любящие систему для системы, не могли быть спокойны, пока не нашли той категории, в которую можно было включить произведения нового беллетриста. Эти систематики восстали против обличительной литературы и с фанатическим жаром вступились за отвлеченное понятие искусства. Г, Ахшарумов поместил даже в "Отечественных записках" 1858 года статью под громким заглавием: "Порабощение искусства". {26} Словом, господа теоретики так горячо вступились за отвлеченное понятие, как вступаются только за живого человека, когда ему наносят тяжелое оскорбление. Слушая их, можно было подумать, что не повести и романы пишутся для того, чтобы удовлетворить творческому стремлению авторов и доставить публике эстетическое наслаждение, а наоборот - писатели и публика существуют: первые для того, чтобы писать, а последние для того, чтобы читать художественные произведения. Теория здесь, как и везде, посягала на свободу писателей и читателей; здесь, как и везде, она обнаруживала крайнюю близорукость и крайнее незнание жизни. Она хотела переделать жизнь по-своему и подчинить своим приговорам творчество художника и вкус ценителя. Она не поняла того, что протест был насущною потребностью русского общества в лице наиболее

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org развитых его представителей; она не захотела вникнуть в то, что протест мог выразиться только в изящной словесности и что на этом основании наши протестанты с жадностью ухватились за эту форму. Критика отстала от общества и от изящной словесности и, толкуя об истории, сама забыла приложить историческую оценку к невиданному явлению. Она заговорила об абсолютных законах творчества и не сообразила того, что абсолютной красоты нет и что вообще понятие красоты лежит в личности ценителя, а не в самом предмете. Что на мои глаза прекрасно, то вам может не нравиться; что приходилось по вкусу нашим отцам, то может наводить на нас сон и дремоту. Негритянка, которая своему соотечественнику покажется воплощением красоты, наверное не понравится европейцу. Красота чувствуется, а не меряется аршином; требовать, чтобы художественное произведение приводило зрителей или слушателей в одинаковое настроение, значит желать, чтобы у всех этих господ равномерно бился пульс, а сделать это очень трудно; нам известно из истории, что Карл V, во время своего пребывания в монастыре св. Юста, {27} при всех усилиях не успел привести к равномерному ходу двух стенных часов. Человеческий организм будет посложнее стенных часов; к тому же он образуется и развивается помимо нашей воли; из этого следует заключение, что законодатели-эстетики напрасно стараются добраться до таких законов, которые на практике признало бы все человечество. Вы можете рядом силлогизмов доказать мне, что такое-то произведение художественно, но если это произведение не подействовало на мою нервную систему, то, прочитавши вашу рецензию, я останусь к нему так же холоден, как и прежде. – Если, стоя перед картиной, вы предварительно отдаете себе отчет в правильности рисунка, в верности выражения и в живости колорита, а уже потом начинаете наслаждаться общим впечатлением, то это доказывает, что картина писана не художником, а трудолюбивым и ученым техником, или что вы, ценитель, до такой степени пропитаны теоретическими знаниями, что научный элемент задушил в вас живое чувство и непосредственную восприимчивость к явлению красоты. Это значит, что вы заучились и что ваши мыслительные силы развились в ущерб остальным направлениям вашего организма. Мы, обыкновенные люди, идем обратным путем, от синтеза к анализу, т. е. сначала чувствуем впечатление, а потом отдаем себе отчет в причинах этого впечатления. Если я не почувствовал красоты, то не стану справляться с мнением знатоков, а подожду, пока большее количество жизненного опыта не даст мне средств самостоятельно насладиться данным произведением или пока тот же жизненный опыт не покажет мне, что я был прав перед собственной личностью, пройдя совершенно равнодушно мимо этого произведения.

Личное впечатление, и только личное впечатление может быть мерилom красоты. Пусть всякий критик передает нам только то, как на него подействовало то или другое поэтическое произведение; пусть он дает публике отчет в своем личном впечатлении, и тогда каждая критическая статья будет так же искренна и жива, как лирическое стихотворение истинного поэта; тогда рецензия будет создаваться, вытекать из души критика, а не строиться механически, как строится она теперь. Тогда критика будет делом таланта, и бездарность не будет в состоянии укрыться за чужую теорию, превратно понятую и превратно передаваемую. Это, конечно, *ria desideria*. {Благие пожелания (лат.)}. – Ред.} Бездарность никогда не откажется от критической деятельности уже потому, что не сознает себя бездарностью. Бездарность никогда не откажется от теории потому, что ей необходим критерий, на котором можно было бы строить свои приговоры, необходима надежная стена, к которой можно было бы прислониться. Ведь высказывается же в нашей журналистике мнение о том, что литература наша _страдает_ отсутствием авторитетов ("Отеч зап", 1861, февраль, "Рус лит", стр. 76), {28} точно будто вера в авторитет или в теорию составляет необходимое условие жизни. Если такое мнение до сих пор высказывается даже в догматической форме, то, очевидно, оно будет жить очень долго, может быть даже никогда не умрет, потому что, вероятно, не переведутся в обществе такие люди, которые по вялости и робости мысли не решаются стать на свои ноги и постоянно напрашиваются к кому-нибудь под умственную опеку. Тем не менее было бы очень хорошо, если бы вера в необходимость теории была подорвана в массе читающего общества. Строго проведенная теория непременно ведет к стеснению личности, а верить в необходимость стеснения значит смотреть на весь мир глазами аскета и истязать самого себя из любви к искусству.

В вопросе об обличительной литературе теория эстетики выказала всю свою несостоятельность. Дело было так просто, что возвести его в теоретический вопрос и толковать о нем больше трех лет могли только метафизик Хемницера {29} да наша заучившаяся критика. Дело состояло в том, что в журналах рядом с некоторыми замечательными очерками Щедрина стали появляться

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org посредственные рассказы и сцены с обличительными стремленьицами и с худо скрытою нравоучительною целью. Посредственные беллетристические произведения ни в какой литературе не составляют редкости, а у нас ими хоть пруд пруди; каждый журнал ежемесячно вносит на алтарь отечества свою посильную лепту, в течение года возникает от 60 до 80 повестей, и, конечно, в этом числе по крайней мере 9/10 никуда не годятся. Литературные посредственности обладают обыкновенно значительною гибкостью, потому что они делают, а не творят свои произведения. Увидя успех щедринских рассказов, эти господа пустились в подражание, и можно сказать положительно, что они хорошо сделали. Их повести не могли иметь художественного значения ни в каком случае; когда они взялись за обличение, их очерки получили житейский интерес. Пушкин в своем стихотворении "Поэт и чернь" спрашивает:

Жрецы ль у вас метлу берут?

и, как известно, выражает ту мысль, что поэты созданы для песнопений, для звуков сладких и молитв. Я совершенно согласен с мнением Пушкина, но позволю себе один нескромный вопрос: неужели можно назвать жрецами искусства гг. Колбасина, Карповича, С. Федорова, Основского, Г-жу Вахновскую, Нарскую, г. Кугушева etc., etc.? Мне кажется, эти господа могут смело взять метлу в руки, нисколько не роняя своего достоинства. Красота формы им недоступна; пускай же они рассказывают интересные житейские случаи, это будет гораздо занимательнее для читателя, чем те сентиментально-бледные романы, которые производят Г-жи Нарская и Вахновская. Но наша критика увидела в наплыве обличительных очерков новое направление, опасное для искусства, точно будто сфера искусства доступна для людей без дарования и точно будто истинное дарование может сбиться с пути каким-нибудь господствующим направлением. Явились также защитники обличительной литературы, доказывавшие, что гражданский протест есть прямая обязанность искусства. Спорящие стороны были достойны друг друга и одинаково смешны для беспристрастного наблюдателя. Я бы им посоветовал проехать мимо Академии художеств, прочесть на фронте надпись: "Свободным искусствам" и подумать о смысле этих слов. Спорящие стороны вспомнили бы, может быть, что свобода в выборе и обработке сюжета так же необходима для художника, как для нас с вами воздух и пища; что ни наталкивать художника на какую-нибудь задачу, ни насильно оттаскивать его от нее нельзя; они поняли бы тогда, может быть, что искренний крик негодования, вырвавшийся у художника при виде общественных гадостей, составляет такой же драгоценный момент его творческой деятельности, как спокойное созерцание прекрасного образа; другая сторона поняла бы, что этот крик негодования только тогда действительно силен, когда он не подделан, а вырывается неволью из груди действительно раздраженного человека; она поняла бы, следовательно, что сердиться на художника за отсутствие подобных криков значит посягать на его личную свободу и заставлять человека плакать или смеяться, когда ему не грустно или не смешно. Что же касается до обличительного мусора, завалившего наши журналы 1857 и 1858 годов, {30} то обе стороны хорошо бы сделали, если бы совершенно не спорили о нем. Мусор явление неизбежное, и никакое направление литературы его не уничтожит; если же выбирать из двух зол лучшее, то, конечно, можно выбрать обличительный род, который хоть не изображает жизни, но по крайней мере рассказывает о ней. Замечательно, что до сих пор состязание двух направлений нашей критики не прекратилось или не забыто. Г.-бов {31} до наших времен в начале каждой статьи прохаживается насчет эстетической критики, а г. Григорьев оплакивает падение истинной поэзии, видит в Тургеневе последнего могикана чистого искусства и даже в последней, очень туманной статье своей "Об идеализме и реализме" {32} ("Светоч", 1861, апрель) является робким ходатаем идеализма, который, по его мнению, воплотился в Тургеневе. - Обе стороны, т. е. критики, старающиеся запрычь поэзию в воз, и критики, стремящиеся к беспредельности и к вечной красоте, спорят между собою, делают друг на друга колкие намеки, обижаются ими, отвечают на них упреками, - и хоть бы один раз, на досуге, они подумали: "Из чего мы хлопочем? Кого интересуют наши кровавые споры? Зачем и на что мы тратим энергию? На кого наши слова будут иметь влияние?" Да, господа, Крылов не умрет, и его басня "Муха и дорожные" не раз найдет себе приложение.

VIII

Наше время решительно не благоприятствует развитию теорий. Народ хитрее стал, как выражаются наши мужики, - и ни на какую штуку не ловится. Ум наш требует фактов, доказательств; фраза нас не отуманит, и в самом блестящем и

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
стройном создании фантазии мы подметим слабость основания и произвольность выводов. Фанатическое увлечение идеею и принципом вообще, сколько мне кажется, не в характере русского народа. Здравый смысл и значительная доля юмора и скептицизма составляют, мне кажется, самое заметное свойство чисто русского ума; мы более склоняемся к Гамлету, чем к Дон-Кихоту; нам мало понятны энтузиазм и мистицизм страстного адепта. На этом основании мне кажется, что ни одна философия в мире не привьется к русскому уму так прочно и так легко, как современный, здоровый и свежий материализм. Диалектика, фразерство, споры на словах и из-за слов совершенно чужды этому простому учению. До фраз мы, конечно, большие охотники, но нас в этом случае занимает процесс фразерства, а не сущность той мысли, которая составляет предмет рассуждения или спора. Русские люди способны спорить о какой-нибудь высокой материи битых шесть часов и потом, когда пересохнет горло и охрипнет голос, отнестись к предмету спора с самой добродушной улыбкою, которая покажет ясно, что в сущности горячившемуся господину было очень мало дела до того, о чем он кричал. Эта черта нашего характера привела бы в отчаяние добросовестного немца, а в сущности это пресимпатичная черта. Фанатизм подчас бывает хорош как исторический двигатель, но в повседневной жизни он может повести к значительным неудобствам. Хорошая доза скептицизма всегда вернее пронесет вас между разными подводными камнями жизни и литературы. Эгоистические убеждения, положенные на подкладку мягкой и добродушной натуры, сделают вас счастливым человеком, не тяжелым для других и приятным для самого себя. Жизненные переделки достанутся легко; разочарование будет невозможно, потому что не будет очарования; падения будут легкие, потому что вы не будете взбираться на недостижимую высоту идеала; жизнь будет не трудом, а наслаждением, занимательною книгою, в которой каждая страница отличается от предыдущей и представляет свой оригинальный интерес. Не стесняя других непрошенными заботами, вы сами не будете требовать от них ни подвигов, ни жертв; вы будете давать им то, к чему влечет живое чувство, и с благодарностью, или, вернее, с добрым чувством, будете принимать то, что они добровольно будут вам приносить. Если бы все в строгом смысле были эгоистами по убеждениям, т. е. заботились только о себе и повиновались бы одному влечению чувства, не создавая себе искусственных понятий идеала и долга и не вмешиваясь в чужие дела, то, право, тогда привольнее было бы жить на белом свете, нежели теперь, когда о вас заботятся чуть не с колыбели сотни людей, которых вы почти не знаете и которые вас знают не как личность, а как единицу, как члена известного общества, как неделимое, {33} носящее то или другое фамильное прозвище. Возможность такого порядка вещей представляет, конечно, неосуществимую мечту, но почему же не отнестись добродушно к мечте, которая не ведет за собою вредных последствий и не переходит в монотипию. Мир мечты может тоже сделаться обильным источником наслаждения, но этим источником надо воспользоваться с крайнею осторожностью. Самый крайний материалист не отвергнет возможности наслаждаться игрою своей фантазии или следить за игрою фантазии другого человека. В первом случае на первом процессе основан процесс поэтического творчества; на втором – процесс чтения поэтических произведений. Но, с другой стороны, самый необузданный идеализм происходил именно от того, что элемент фантазии получал слишком много простора и разыгрывался в чужой области, в области мысли, в сфере научного исследования. Пока я сознаю, что вызванные мною образы принадлежат только моему воображению, до тех пор я тешусь ими, я властвую над ними и волен избавиться от них, когда захочу. Но как только яркость вызванных образов ослепила меня, как только я забыл свою власть над ними, так эта власть и пропала; образы переходят в призраки и живут помимо моей воли, живут своею жизнью, давят меня как кошмар, оказывают на меня влияние, господствуют надо мною, внушают мне страх, приводят меня в напряженное состояние. Так, например, пелазг создавал свою первобытную религию и падал во прах перед созданием собственной мысли. Галлюцинация его была ослепительно ярка; критика была слишком слаба, чтобы разрушить мечту; борьба между призраком и человеком была неровная, и человек склонял голову и чувствовал себя подавленным, пригнутым к земле...

Шутить с мечтой опасно; разбитая мечта может составить несчастье жизни; гоняясь за мечтою, можно прозевать жизнь или в порыве безумного воодушевления принести ее в жертву. У так называемых положительных людей мечта принимает формы более солидные и превращается в условный идеал, наследованный от предков и носящийся перед целым сословием или классом людей. Идеал человека *comme il faut*, {Как следует, приличного (по понятиям светского общества) (франц.)}. – Ред.} человека дельного, хорошего семьянина, хорошего чиновника – все это мечты, которым многое приносится в жертву. Эти мечты более или менее отравляют жизнь и мешают беззаветному

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org наслаждению. Да как же жить, спросите вы, неужели без цели? Цель жизни! Какое громкое слово и как часто оно оглушает и вводит в заблуждение, отуманивая слишком доверчивого слушателя. Посмотрим на него поближе. Если вы поставите себе целью такую деятельность, к которой стремится ваша природа, то вы дадите себе только лишний труд: вы бы сами пошли по тому пути, на который навело вас размышление; непосредственный инстинкт натолкнул бы вас на прямую дорогу, и натолкнул бы, может быть, скорее и вернее, нежели навел тщательный анализ; если же, боже упаси, вы поставите себе цель, несовместную с вашими наклонностями, тогда вы себе испортите жизнь; вы потратите всю энергию на борьбу с собой; если не победите себя, то останетесь недовольны; если победите себя, то вы сделаетесь автоматом, чисто рассудочным, сухим и вялым человеком. Старайтесь жить полную жизнью, не дрессируйте, не ломайте себя, не давите оригинальности и самобытности в угоду заведенному порядку и вкусу толпы – и, живя таким образом, не спрашивайте о цели; цель сама найдется, и жизнь решит вопросы прежде, нежели вы их предложите.

Вас затрудняет, может быть, один вопрос: как согласить эти эгоистические начала с любовью к человечеству? Об этом нечего заботиться. Человек от природы существо очень доброе, и если не окислять его противоречиями и дрессировкой, если не требовать от него неестественных нравственных фокусов, то в нем естественно разовьются самые любовные чувства к окружающим людям, и он будет помогать им в беде ради собственного удовольствия, а не из сознания долга, т. е. по доброй воле, а не по нравственному принуждению. Вы подумаете может быть, что я указываю вам на *etat de la nature*, {Естественное состояние (франц.). – Ред.} и обратите мое внимание на то, что дикари, живущие в первобытной простоте нравов, далеко не отличаются добродушием и доводят эгоизм до полнейшей животности. На это я отвечу, что дикари живут при таких условиях, которые мешают свободному развитию характера: во-первых, они подчинены влиянию внешней природы, между тем как мы успели уже от него избавиться; во-вторых, они верят в те призраки, о которых я говорил выше; в-третьих, они более или менее стремятся к условному идеалу, и идеал у них один, потому что вся деятельность ограничивается охотой и войною; присутствие этого идеала оказывает самое стеснительное влияние на живые силы личности. Из всего этого следует заключение, что развитие неделимого можно сделать независимым от внешних стеснений только на высокой степени общественного развития; эмансипация личности и уважение к ее самостоятельности является последним продуктом позднейшей цивилизации. Дальше этой цели мы еще ничего не видим в процессе исторического развития, и эта цель еще так далека, что говорить о ней значит почти мечтать. набросанные мною мысли, вылившиеся из глубины души, составляют основу целого мирозерцания; выведи все последствия этих идей не трудно, и я надеюсь, что читатель, если захочет, будет в состоянии по начертанному плану воссоздать в воображении все здание. К сожалению, наша критика не высказала до сих пор этих идей и относилась к эгоизму как к пороку, а в фокусах и подвигах самопожертвования видела высокую добродетель. До сих пор, касаясь философии жизни, она считает идеал совершенною необходимостью и в стремлении к идеалу, в сознании долга видит самые живые стороны человеческой личности и деятельности. Стремление к наслаждению она называет свойством чисто животным, но допускает однако, что из этого же источника может развиваться благородное и высокое стремление к самосовершенствованию. Система глубоко вкоренилась в нашу нравственную философию и хозяйничает в области человеческих мыслей и чувств, не обращая никакого внимания на самого хозяина. Теоретикам нет дела до того, что есть в наличности; они говорят: так должно быть, поворачивают все вверх дном и утешаются тем, что внесли симметрию и систему в живой мир явлений. Кто хоть понаслышке знаком с философией истории Гегеля, тот знает, до каких поразительных крайностей может довести даже очень умного человека мания всюду соваться с законами и всюду вносить симметрию. Если вы читали в "Отечественных записках" прошлого года прекрасную статью г. Вагнера "Природа и Мильн-Эдвардс", {34} то вы могли убедиться в том, что в сфере естественных наук рьяное систематизирование ведет к поразительным и осязательным нелепостям. Внесенная в область человеческой нравственности, система не ведет к таким явным нелепостям только потому, что мы привыкли смотреть на вещи ее глазами; мы живем и развиваемся под влиянием искусственной системы нравственности; эта система давит нас с колыбели, и потому мы совершенно привыкаем к этому давлению; мы разделяем этот гнет системы со всем образованным миром и потому, не видя пределов своей клетки, считаем себя нравственно свободными. Но, оставаясь для нас незаметным, это умственное и нравственное рабство медленным ядом отравляет нашу жизнь; мы умышленно раздваиваем свое существо, наблюдаем за собою, как за опасным

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
врагом, хитрим перед собою и ловим себя в хитрости, боремся с собою, побеждаем себя, находим в себе животные инстинкты и ополчаемся на них силою мысли; вся эта глупая комедия кончается тем, что перед смертью мы, подобно римскому императору Августу, можем спросить у окружающих людей: "Хорошо ли я сыграл свою роль?" Нечего сказать! Приятное и достойное препровождение времени! Поневоле вспомнишь слова Нестора: "Никто же их не биша, сами ся мучиху". {35}

IX

Материализм сражается только против теории; в практической жизни мы все материалисты и все идем в разлад с нашими теориями; вся разница между идеалистом и материалистом в практической жизни заключается в том, что первому идеал служит вечным упреком и постоянным кошмаром, а последний чувствует себя свободным и правым, когда никому не делает фактического зла. Предположим, что вы в теории крайний идеалист, вы садитесь за письменный стол и ищете начатую вами работу; вы осматриваетесь кругом, шарите по разным углам, и если ваша тетрадь или книга не попадетсЯ вам на глаза или под руки, то вы заключаете, что ее нет, и отправляетесь искать в другое место, хотя бы ваше сознание говорило вам, что вы положили ее именно на письменный стол. Если вы берете в рот глоток чаю и он оказывается без сахара, то вы сейчас же исправите вашу оплошность, хотя бы вы были твердо уверены в том, что сделали дело как следует и положили столько сахара, сколько кладете обыкновенно. Вы видите таким образом, что самое твердое убеждение разрушается при столкновении с очевидностью и что свидетельству ваших чувств вы невольно придаете гораздо больше значения, нежели соображениям вашего рассудка. Проведите это начало во все сферы мышления, начиная от низших до высших, и вы получите полнейший материализм: я знаю только то, что вижу или вообще в чем могу убедиться свидетельством моих чувств. Я сам могу поехать в Африку и увидеть ее природу и потому принимаю на веру рассказы путешественников о тропической растительности; я сам могу проверить труд историка, сличивши его с подлинными документами, и потому допускаю результаты его исследований; поэт не дает мне никаких средств убедиться в вещественности выведенных им фигур и положений, и потому я говорю смело, что они не существуют, хотя и могли бы существовать. Когда я вижу предмет, то не нуждаюсь в диалектических доказательствах его существования; _очевидность есть лучшее ручательство действительности_. Когда мне говорят о предмете, которого я не вижу и не могу никогда увидеть или ощупать чувствами, то я говорю и думаю, что он для меня не существует. _Невозможность очевидного проявления исключает действительность существования_.

Вот каноника материализма, и философы всех времен и народов сберегли бы много труда и времени и во многих случаях избавили бы своих усердных почитателей от бесплодных усилий понять несуществующее, если бы не выходили в своих исследованиях из круга предметов, доступных непосредственному наблюдению.

В истории человечества было несколько светлых голов, указывавших на границы познания, но мечтательные стремления в несуществующую беспредельность обыкновенно одерживали верх над холодною критикою скептического ума и вели к новым надеждам и к новым разочарованиям и заблуждениям. За греческими атомистами следовали Сократ и Платон; рядом с эпикуреизмом жил ново платонизм; за Бэконом и Локке, за энциклопедистами XVIII века последовали фихте и Гегель; легко может быть, что после Фейербаха, Фохта и Молешотта возникнет опять какая-нибудь система идеализма, которая на мгновение удовлетворит массу больше, нежели может удовлетворить ее трезвое мирозерцание материалистов. Но что касается до настоящей минуты, то нет сомнения, что одолевает материализм; все научные исследования основаны на наблюдении, и логическое развитие основной идеи, развитие, не опирающееся на факты, встречает себе упорное недоверие в ученом мире. Не последовательности выводов требуем мы теперь, а действительной верности, строгой точности, отсутствия личного произвола в группировке и выборе фактов. Естественные науки и история, опирающаяся на тщательную критику источников, решительно вытесняют умозрительную философию; мы хотим знать, что есть, а не догадываться о том, что может быть. Германия - отечество умозрительной философии, классическая страна новейшего идеализма - породила поколение современных эмпириков и выдвинула вперед целую школу мыслителей, подобных Фейербаху и Молешотту. Филология стала сближаться в своих выводах с естественными науками и избавляется мало-помалу от мистического взгляда на человека вообще и на язык в особенности. Известный молодой ученый

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
Штейнталь, комментировавший Вильгельма Гумбольдта в замечательной брошюре "Языкознание В. Гумбольдта и философия Гегеля", откровенно сознается в том, что умозрительная философия сама по себе существовать не может, что она должна слиться с опытом и из него черпать все свои силы; он понимает философию только как осмысление всякого знания и вне области видимых единичных явлений не видит возможности знания и мышления.

Не забудьте, что это голос из противоположного лагеря, голое со стороны гуманистов, {36} – людей, не привыкших обращаться с микроскопом и с анатомическим ножом и по самому роду своих занятий расположенных искать высших причин и двигательных сил; если эти люди сходятся в своих идеях с натуралистами, то это доказывает, что доводы последних действительно имеют за себя неотразимую силу истины. Признание Штейнталья далеко не представляется нам единичным фактом, исключением из общего правила. Вот, например, что говорит Гайм в своем предисловии к лекциям о философии Гегеля ("Гегель и его время", стр. 9): "Есть души, которые никак не в состоянии обойтись без так называемых Бэконом *idola theatri* {"Призраки театра" (лат.)}; по Бэкону – заблуждения, возникающие под влиянием ложных теорий. – Ред.} и потому постоянно будут страшиться скачка через широкий ров, отделяющий метафизическое от чисто исторически-человеческого. К числу таких людей принадлежат те, которые точку опоры ищут не в самих себе, но над собой и вне себя". Далее (стр. И): "Господствующее в наше время удаление от занятий философией и все более и более возрастающая самостоятельность исторической науки и естествоведения должны пользоваться, как всякий согласится, по крайней мере теми же правами, как и всякий другой факт".

Из этих слов Штейнталья и Гайма можно, кажется, вывести заключение, что умозрительная философия упала в общественном мнении ученого мира и что падение это признано даже теми людьми, которые *ex officio*, как ученики Гегеля и люди, занимающиеся философией, должны были отстаивать ее права на существование. Посмотрим теперь в беглом очерке, как отнеслась к этим современным явлениям и вопросам наша критика и ученая литература.

Х

Прилично писать о философии для нас дело новое; семинарская философия существует уже давно, но она, к счастью, не находит себе читателей и ценителей вне пределов известной касты. Мертвая доктрина г. Новицкого и составителя "Философского лексикона" {37} ни для кого не может быть опасна. Она не от мира сего, и мир ее не поймет. Эти дряхлые явления могут быть смело пропущены критикой и оставлены без всякого внимания публикой. Можно сказать, что г. Антонович в своей рецензии "Философского лексикона" {38} ("Современник", 1861, февраль) сражается с ветряными мельницами; было бы гораздо проще предложить читателям две-три выписки из этого произведения; читатели сразу поняли бы, в чем дело, и, вероятно, потеряли бы всякое желание платить деньги за философский лексикон такого сорта; бороться с идеями "Философского лексикона" недостойно развитого человека, да и просто не стоит, потому что эти идеи ни для кого не опасны уже по той допотопной форме, в которую они облечены; нужно было просто предохранить публику от бесполезных расходов, а эта цель могла быть достигнута с гораздо меньшей тратой труда и времени. Вполне сочувствуя свежему и здоровому направлению мысли, высказавшемуся в статье г. Антоновича, я позволяю себе выразить сожаление о том, что эти свежие силы потратились на опровержение чепухи, которая никого даже, не введет в соблазн, которую, наверное, не возьмет в руки ни один читатель "Современника".

В последние четыре года у нас стали появляться статьи философского содержания, до некоторой степени доступные читающей публике; в них толкуют, правда, об общем идеале, в них есть много "туманных мест и бесполезной диалектики, но по крайней мере они не призывают небесных громов на головы не соглашающихся с ними мыслителей и спорят с ними умеренным тоном, не употребляя старославянских выражений, не приходя в священный ужас и не обнаруживая благочестивого негодования. Статьи г. Лаврова {39} о гегелизме, о механической теории мира, о современных германских теистах и др. обнаружили в авторе обширную начитанность и основательное знакомство с внешней историей философских систем. Эти два качества, довольно редкие в пишущих людях нашего времени, доставили г. Лаврову журнальную известность. Добраться до слабых сторон г. Лаврова наша критика не могла, потому что ей самой крепко приходится по душе неопределенность выводов и диалектические тонкости. Между тем слабая сторона этого писателя заключалась именно в отсутствии субъективности, в отсутствии определенных и цельных философских

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org убеждений. Эта слабая сторона могла укрыться от глаз общества тогда, когда Г. Лавров писал исторические очерки по философии и занимался изложением чужих систем; в подобном труде неопределенность личных убеждений автора может прослыть за историческое беспристрастие, за объективность и обратиться в положительное достоинство в глазах читателя. Но в нынешнем году в январской книжке "Отечественных записок" напечатаны три публичные лекции Г. Лаврова под общим заглавием: "Три беседы о современном значении философии". {40} Уже это заглавие должно было подать надежду на то, что Г. Лавров выскажет свои понятия о философии и открыто примкнет к одной из двух партий, составляющих великий раскол в современном философском мире, т. е. или заявит невозможность умозрительной философии, или станет отстаивать ее права на существование. Заглавия каждой отдельной беседы подавали еще более заманчивые надежды; в них Г. Лавров обещал объяснить, что такое философия в знании, что такое философия в искусстве и что такое философия в жизни. Читающее общество было вправе ожидать от этих бесед, что они уяснят ему современное движение в области философских наук и что они выдвинут вперед целое мирозерцание, выработанное или по крайней мере переработанное самостоятельным умом современно развитого русского человека. Судя по предыдущим работам Г. Лаврова, общество могло заключить, что у него в распоряжении находится много материалов и что в его беседах оно получит в популярной форме существеннейшие результаты его долговременных и добросовестных занятий.

Вышло совсем не то. Беседы не коснулись современного значения философии, совершенно обошли вопросы, поднятые в этой области новейшею школою мыслителей, и не представили никакого определенного мирозерцания. Г. Лавров с особенным старанием скрыл свою личность так, что вы до нее решительно не доберетесь. Не решаясь высказать ни одного ясного и определенного суждения, Г. Лавров не выходит из общих мест элементарной логики, психологии и эстетики, которую преподают в гимназиях под названием теории словесности. Мысли вытекают одна из другой; между ними есть связь, есть логическая последовательность, но для чего они текут, что вызвало их течение и к чему оно, наконец, приводит, — это остается совершенно непонятым. Да что же такое, наконец, философия? Неужели это медицинская гимнастика мысли, шевеление "мозгами", как говорит купец у Островского, {41} которое начинается по нашей прихоти и прекращается по нашему благоусмотрению, не приведя ни к чему, не решив ни одного вопроса, не разбив ни одного заблуждения, не заронив в голову живой идеи, не отозвавшись в груди усиленным биением сердца? Да полно, философия ли это?.. Так разве ж не философия двигала массы, разве не она разбивала дряхлые кумиры и расшатывала устарелые формы гражданской и общественной жизни? А XVIII век? А энциклопедисты?.. Нет, воля ваша, то, что Г. Лавров называет философиею, но отрешено от почвы, лишено плоти и крови, доведено до игры слов, — это схоластика, праздная игра ума, в которую можно играть с одинаковым успехом в Англии и в Алжире, в небесной империи и в современной Италии. Где же современное значение подобной философии? Где ее оправдание в действительности? Где ее права на существование? — Г. Лавров предлагает вопрос: что такое _я_? бьется над этим вопросом в продолжение целой страницы и кончает тем, что находит вопрос о нашем _я_ научно не разрешимым. Зачем же было его поднимать? Какая естественная, жизненная потребность влечет к разрешению вопроса: что такое _я_? К каким результатам в области мысли, частной или гражданской жизни может привести решение этого вопроса? Искать разрешения подобного вопроса все равно, что искать квадратуры круга. Философский камень, жизненный элексир и *regretium mobile* {Вечное движение (лат.). — Ред.} — чрезвычайно полезные вещи в сравнении с этими гимнастическими фокусами мысли. Этих вещей никто не добудет, но по крайней мере кто стремится к ним, тот стремится к осязательным благам и идет к ним путем опыта, так что может на этом пути сделать случайно какое-нибудь неожиданное и полезное открытие. Самый вопрос о том, что такое _я_, и попытки Г. Лаврова осветить этот вопрос с разных сторон останутся непонятными для человека, одаренного простым здравым смыслом и не посвященного в мистерии философских школ; это обстоятельство, как мне кажется, служит самым разительным доказательством незаконности или, вернее, полнейшей бесполезности подобных умственных упражнений. Отгонять непросвещенную чернь (*profanum vulgus*) от храма науки — не в духе нашей эпохи; это негуманно, да и опасно; Г. Лавров этого, конечно, не желает, потому что сам открывает _публичные_ лекции; если же все вообще, а не одни избранные, должны и желают учиться и размышлять, то не мешало бы выкинуть вон из науки то, что понимается немногими и не может никогда сделаться общедоступным. Ведь странно было бы называть гениальнейшим произведением Гете вторую часть "Фауста", которую никто не понимает; точно так же странно

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org назвать мировую истину или мировым вопросом такую идею или такой вопрос, которые смутно понимает незначительное меньшинство односторонне развитых людей. А как не назвать односторонним и уродливым развитие таких умов, которые на всю жизнь погружаются в отвлеченность, ворочают формы, лишённые содержания, и умышленно отворачиваются от привлекательной пестроты живых явлений, от практической деятельности других людей, от интересов своей страны, от радостей и страданий окружающего мира? Деятельность этих людей указывает просто на какую-то несоразмерность в развитии отдельных частей организма; в голове сосредоточивается вся жизненная сила, и движение в мозгу, удовлетворяющее самому себе и в себе самом находящее свою цель, заменяет этим неделимым тот разнообразный и сложный процесс, который называется жизнью. Давать такому явлению силу закона так же странно, как видеть в аскете или в скопце высшую фазу развития человека.

Отвлеченности могут быть интересны и понятны только для ненормально развитого, очень незначительного меньшинства. Поэтому ополчаться всеми силами против отвлеченности в науке мы имеем полное право по двум причинам: во-первых, во имя целостности человеческой личности, во-вторых, во имя того здорового принципа, который, постепенно проникая в общественное сознание, нечувствительно сглаживает грани сословий и разбивает кастическую замкнутость и исключительность. Умственный аристократизм – явление опасное именно потому, что он действует незаметно и не высказывается в резких формах. Монополия знаний и гуманного развития представляет, конечно, одну из самых вредных монополий. Что за наука, которая по самой сущности своей недоступна массе? Что за искусство, которого произведениями могут наслаждаться только немногие специалисты? Ведь надо же помнить, что не люди существуют для науки и искусства, а что наука и искусство вытекли из естественной потребности человека наслаждаться жизнью и украшать ее всевозможными средствами. Если наука и искусство мешают жить, если они разъединяют людей, если они кладут основание кастам, так и бог с ними, мы их знать не хотим; но это неправда: истинная наука ведет к осязательному знанию, а то, что осязательно, что можно рассмотреть глазами и ощупать руками, то поймет и десятилетний ребенок, и простой мужик, и светский человек, и ученый специалист.

Итак, с какой стороны ни посмотришь на диалектику и отвлеченную философию, она всячески покажется бесполезною тратой сил и переливанием из пустого в порожнее. Если разбирать публичные лекции Г. Лаврова, то нужно, мне кажется, говоря о первых двух беседах, не следовать шаг за шагом за автором, не опровергать его отдельные положения, не ловить его на частных противоречиях, а просто в нескольких крупных чертах показать полнейшую бесполезность всего предпринятого им труда. Г. Антонович ("Современник", 1861, апрель) написал обширную рецензию первых двух лекций Г. Лаврова, 42 провёл в этой рецензии свежий и современный взгляд на философию, но, сколько мне кажется, пустился в совершенно ненужные частности и тонкости. Восставая против диалектики, он сражается с нею диалектическим оружием; он доказывает логическую непоследовательность тогда, когда следовало бы доказать практическую бесполезность. Дело не в том, верно ли решаются вопросы о сущности вещей и о том, что такое я, а в том – нужно ли решать эти вопросы. Г. Антонович спорит с Г. Лавровым, как адепт одной школы с адептом другой; было бы, мне кажется, проще и полезнее для публики, если бы он стал на точку зрения совершенного профана и спросил бы: а какими знаниями и идеями обогатит меня ваша хваленая философия? Один этот вопрос был бы, мне кажется, серьезнее и радикальнее всего длинного ряда доказательств, которые Г. Антонович выводит против Г. Лаврова.

Обратив все внимание свое на одну личность русского мыслителя, Г. Антонович упускает из виду умозрительную философию вообще, между тем как ее давно бы следовало отпеть и похоронить. – Г. Лавров сделал попытку поговорить с нашим обществом об умозрительной философии; этот факт можно обсудить с двух сторон. Можно спросить, во-первых, уместна ли эта попытка? и, во-вторых, удачно ли она выполнена? Первый вопрос имеет общий интерес; обсуживая его, мы толкуем о нуждах нашего общества и рассматриваем характер нашей эпохи. Второй вопрос относится чисто к личности Г. Лаврова и имеет совершенно частный и, сравнительно с первым, узкий интерес. – Между тем Г. Антонович усильно работает над вторым вопросом и не решает первого; мы узнаем от него, что Г. Лавров – эклектик, и не узнаем того, годится ли на что-нибудь для нашего времени и для нашего общества умозрительная философия вообще. – Словом, статья Г. Антоновича наполнена прекрасными частностями, но этих частностей так много, что в них тонет общая идея, а именно эту общую идею и следовало выставить как можно резче. Замечу еще, что Г. Антонович напрасно

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org ограничился разбором двух первых бесед г. Лаврова; третья беседа (о философии в жизни) отличается от двух первых большим количеством внутреннего содержания. Философские убеждения г. Лаврова высказываются, наконец, в более определенной форме и ведут к реальным выводам в сфере практической жизни. Об этой беседе стоит сказать несколько слов.

Г. Лавров говорит, во-первых, что цель жизни находится вне ее процесса, который "в каждое мгновение есть только переходное случайное выражение для того, что не может воплотиться вполне, что составляет высшее, существенное, относительно неизменное в человеке, - для его нравственного идеала".

Во-вторых, г. Лавров говорит, что самый грубый и элементарный взгляд на жизнь есть тот, при котором мы стремимся только к наслаждению; "первое правило: ищи то, чем наслаждаемся, - доступно животному наравне с человеком, дикому наравне с образованным человеком, ребенку наравне с мужем. Последнее: пренебрегай всем, кроме высшего блага, есть изречение, от которого не откажется самый строгий аскет; а, как известно, истинные аскеты - большая редкость между людьми".

Замечу мимоходом, что уроды тоже составляют большую редкость между людьми; их сохраняют даже в спирту!

В-третьих, г. Лавров говорит, что "человечность есть совокупление всех главных отраслей деятельности в жизни одной личности. Но она есть совокупление, а не смешение. Каждая деятельность, ставя свой вопрос, свою цель, свой идеал, резко отличается от другой, и одно из главных зол человечества заключается в недостаточном различении этих вопросов, в перенесении идеалов из одной области деятельности в другую".

А ведь если бы вовсе не было идеалов, тогда и переносить нечего было бы, и путаницы никакой не могло бы быть. Так зачем же ставить идеал необходимым условием развития?

Приведенные выписки показывают ясно, что г. Лавров склоняется к такому мирозерцанию, которое существенно отличается от мыслей, высказанных мною на предыдущих страницах. Я все основываю на непосредственном чувстве; г. Лавров строит все на размышлении и на системе; я требую от философии осязательных результатов; г. Лавров довольствуется бесцельным движением мысли в сфере формальной логики. Я считаю очевидность полнейшим и единственным ручательством действительности; г. Лавров придает важное значение диалектическим доказательствам, спрашивает о сущности вещей и говорит, что она непостижима, следовательно, предполагает, что она существует как-то независимо от явления. В области нравственной философии взгляды наши почти диаметрально противоположны. Г. Лавров требует идеала и цели жизни вне ее процесса; я вижу в жизни только процесс и устраняю цель и идеал; г. Лавров останавливается перед аскетом с особым уважением; я даю себе право пожалеть об аскете, как пожалел бы о слепом, о безруком или о сумасшедшем. Г. Лавров видит в человечности какой-то сложный продукт разных нравственных специй и ингредиентов; я полагаю, что полнейшее проявление человечности возможно только в цельной личности, развившейся совершенно безыскусственно и самостоятельно, не сдавленной служением разным идеалам, не потратившей сил на борьбу с собою.

Я говорил, что, по моему мнению, критику лучше всего высказывать своей взгляд на вещи, делиться с читателями своим личным впечатлением; я так и сделал в отношении к г. Лаврову. Я поставил рядом с его воззрениями мои воззрения и предоставляю читателям полнейшую свободу выбрать те или другие или отвергнуть и те и другие. Я не старался убеждать в верности моих мыслей, не задавал себе задачи во что бы то ни стало поставить читателя на мою точку зрения. Умственная и нравственная пропаганда есть до некоторой степени посягательство на чужую свободу. Мне бы хотелось не заставить читателя согласиться со мною, а вызвать самостоятельность его мысли и подать ему повод к самостоятельному обсуждению затронутых мною вопросов. В моей статье, наверное, встретится много ошибок, много поверхностных взглядов; но это в сущности нисколько не мешает делу; если мои ошибки заметит сам читатель, это будет уже самостоятельное движение мысли; если они будут указаны ему каким-нибудь рецензентом, это опять-таки будет очень полезно; *du choc des opinions jaillit la verite*, {Из столкновения мнений рождается истина (франц.). - Ред.} - говорят французы, и читатель, присутствуя при споре, будет сам рассуждать и вдумываться. Смее льстить себя одной надеждой: если бы статья моя вызвала какое-нибудь опровержение, то спор

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org стал бы вертеться в кругу действительных и жизненных явлений и не перешел бы в схоластическое _словопрение_. Я обсуживал явления нашей критики, руководствуясь голосом простого здравого смысла, и надеюсь, что если мне будут возражать, то возражения эти будут вытекать из того же источника и не будут сопровождаться непонятными для публики ссылками на авторитеты Канта, Гегеля и других.

Говоря о нашей философской литературе, я упомянул только о статьях Г. Лаврова и считаю совершенно лишним обсуживать гг. Страхова и Эдельсона; эти явления так бледны и чахлы, что об них не стоит упоминать, да и сказать-то нечего. Утомление и скука – вот все, что можно вынести из чтения этих произведений; и возражать нечему и поспорить не с чем, так все элементарно, утомительно ровно и невозмутимо спокойно. Г. Страхов считает нужным доказывать, что между человеком и камнем большая разница, а Г. Эдельсон ни с того ни с сего начинает восторгаться идеею организма, {43} а потом, также без видимой причины, начинает предостерегать ученых от излишнего увлечения этою идеею.

Вскую шаташася языцы? {Зачем волновались народы (фраза из старославянского перевода Псалтыри)}. – Ред.}

XI

В майской книжке "Русского слова" я высказал несколько мыслей о безжизненности нашей критики и изложил те идеи, которыми я руководствуюсь при разборе этих чахлых и бесцветных явлений. С тех пор, в течение трех месяцев, в которых журнальная полемика разгорелась особенно ярко, критический отдел большей части периодических изданий украсился многими любопытными статьями; эти статьи подают повод к размышлению; они подтверждают высказанные мною замечания, которые могли показаться голословными читателям моей первой статьи; поэтому я намерен воспользоваться ими как материалом и, обсуживая их, договорить то, что было недосказано, яснее и обстоятельнее изложить то, чего я прежде коснулся слегка. Я не восстаю против полемики, не зажимаю ушей от свиста, не проклинаю свистунов; и Ульрих фон Гуттен был свистун, и Вольтер был свистун, и даже Гете вместе с Шиллером свистнули на всю Германию, издавши совокупными силами свой альманах "Die Xenien"; {"ксении". {44} – Ред.} у нас на Руси свистал часто и резко, стихами и прозою, Пушкин; свистал Брамбеус, которому, вопреки громовой статье г. Дудышкина: "Сенковский – дилетант русской словесности", {45} я не могу отказать ни в уме, ни в огромном таланте. А разве во многих статьях Белинского не прорываются резкие, свистящие звуки? Припомните, господа, ближайших литературных друзей Белинского, людей, которым он в дружеских письмах выражал самое теплее сочувствие и уважение: вы увидите, что многие из них свистали, да и до сих пор свищут тем богатырским посвистом, {46} от которого у многих звонит в ушах и который без промаха бьет в цель, несмотря на расстояние.

Оправдывать свистунов – напрасный труд: их оправдало чутье общества; на их стороне большинство голосов, и каждое нападение из противоположного лагеря обрушивается на голову самих же нападающих, так называемых людей серьезных, деятелей мысли, кабинетных тружеников, русских Гегелей и Шопенгауэров, профессоров, сунувшихся в журналистику, или литературных промышленников, прикрывающих свою умственную нищету приторным сочувствием к вечным интересам науки. "Русский вестник" и "Отечественные записки" убиваются над развратом русской мысли и заживо оплакивают русскую литературу; их книжки – бюллетени сердобольного врача, писанные у постели больного, умирающего от последствий беспорядочной жизни. Главные _благонамеренные_ органы нашей журналистики составляют консилиум, ищут лекарства, щупают пульс и с ужасом сообщают друг другу о быстрых успехах болезни; за ними выдвигается группа постных журналов и газет, советующих больному познать тщету и суетную гордыню дольнего мира сего, воспарить духом к высотам сионстим и, отложив надежду и попечение о выздоровлении, приготовиться к мирной, христианской кончине живота. А в это время больной мечется в бреду, лепечет в лихорадочном полусне бессвязные слова, "извергает хулы", называет громкие имена всех веков и народов: Кавур, Россель, Платон, Страхов, Пальмерстон, Аскоченский... Что за сумбур! И все-то он ругает, над всем-то он смеется, все-то ему нипочем. "Белая горячка", говорят врачи. "Delirium tremens!", {Белая горячка (лат.). – Ред.} важно повторяет г. Леонтьев. "Дьявольское наваждение", шепчет, отплевываясь, Аскоченский. "Как ему не умереть! Он отрицает общие авторитеты, все, чем красна и тепла наша жизнь", говорит печально г. Н. Ко.

Кто же, наконец, играет роль больного? Кто же, как не "Современник" вместе с "Русским словом"? Кто же, кроме этих двух отверженных, осмеливался относиться скептически к деятельности Росселя и Кавура? {47} Кто находил сухими и бесполезными ученые труды гг. Буслаева и Срезневского? {48} Кто советовал сдать в архив стройные, красивые, величественные системы идеализма, {49} внутри которых темно, сыро и холодно, как в старом готическом соборе? Кто дерзнул обвинить Гизо в историческом мистицизме, г. Лаврова – в неясности формы и неопределенности направления, г. Буслаева – в наивности и староверстве, г. Юркевича – в отсталости и в любомудрии, Н. И. Пирогова – в патриархальности педагогических приемов, "Отечественные записки" – в вялости тона и в отсутствии направления, "Русский вестник" – в мешанском пристрастии к золотой середине?.. {50} Можно было бы исписать десять страниц и все-таки не перечислить всех преступлений, в которых были уличены в течение 1861 года "Русское слово" и "Современник". Каждая статья составляла *crime des autorités*, {Преступление против начальства (франц.)}. Ред.} сшибая с пьедестала какой-нибудь кумир, которому кричали другие журналы: "Выдыбай, боже!" Человек в нормальном положении, в здравом уме не мог бы найти в себе столько продерзости. Статья Чернышевского о Гизо, "Полемические красоты", политические статьи Благосветлова, "Схоластика" Писарева и его статья о Молешотте, рецензия стихотворений Сквороды и ответ Крестовского г. Костомарову, "Дневник Темного человека" и "Свисток" {51} все это бред больного, последнее напряжение сил, за которым будет и должна следовать реакция, агония. – Аминь! – речет "Домашняя беседа", и, к своему крайнему удивлению, благонамеренные врачи русской журналистики в первый раз в жизни вторят г. Аскоченскому. Но позвольте, господа врачи, *doctores augustissimi*, {Высокопочтимые ученые мужи (лат.)}. – Ред.} я не понимаю вашего огорчения. Отчего же вы так взволнованы? Здоровый человек, владеющий полным рассудком, не станет беспокоиться попусту, скликать пожарную команду, когда у соседа топится овин и когда не предвидится ни малейшей опасности. Надо предположить одно из двух: или действительно свистуны сильные в области литературы, или благонамеренные люди сами больны и, по расстройству нервов, вздрагивают от малейшего шума. Каждая выходка "Современника" или "Русского слова" осуждается синедрионом так называемых солидных журналов; осуждение обыкновенно занимает больше места, чем самая выходка; стало быть, эти выходки действительно опасны, или же, извините, вам больше не о чем говорить, и вы ловите случай, раздуваете скандал для того, чтобы наполнить книжку, и, следовательно, поступаете сами как неудавшиеся фельетонисты.

Разберем оба предположения. Кому и чему могут быть опасны выходки свистунов? Вероятно, только идеям или же таким личностям, которые перед лицом всего образованного мира служат представителями той или другой тенденции. Ведь вы, господа врачи, вступаетесь не за Козлянинова, не за Вергейма, {52} а за Кавура, за Росселя, за историю, за философию, за серьезную науку. Всем этим лицам и идеям вы своим заступничеством оказываете очень плохую услугу. Прикосновения критики боится только то, что гнило, что, как египетская мумия, распадается в прах от движения воздуха. Живая идея, как свежий цветок от дождя, крепнет и разрастается, выдерживая пробу скептицизма. Перед заклинанием трезвого анализа исчезают только призраки; а существующие предметы, подвергнутые этому испытанию, доказывают им действительность своего существования. Если у вас есть такие предметы, до которых никогда не касалась критика, то вы бы хорошо сделали, если бы порядком встряхнули их, чтобы убедиться в том, что вы храните действительное сокровище, а не истлевший хлам. Если же вы для себя уже сделали этот опыт, то позвольте же и другим сделать то же для себя. Вы, положим, убеждены в том, что умозрительная философия есть мать всех добродетелей и источник всякого благосостояния. А вот для меня, например, это положение составляет еще недоказанную теорему. Что же, мне вам на слово прикажете верить? Или прикажете до тех пор не писать ничего, пока не выработаю себе абсолютно верного, незыблемого убеждения, пока не превращу в аксиомы все теоремы? На второй мой вопрос вы ответите утвердительно, а я вам докажу сейчас, что этот утвердительный ответ – нелепость. Каждое поколение разрушает мирозерцание предыдущего поколения; что казалось неопровержимым вчера, то валится сегодня; абсолютные, вечные истины существуют только для народов неисторических, для эскимосов, папуасов и китайцев. Вы мне скажете, что $2 \times 2 = 4$ – абсолютная истина для всех веков и народов, а я вам отвечу, что $2 \times 2 = 4$ не есть идея; тут подлежащее повторяется в сказуемом; в первой и второй части уравнения предмет один и тот же, и изменяются только формы выражения. "Прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками" это тоже не идея; вы тут связываете между собою не два предмета, а два названия, из которых одно сжато, другое

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org пространно. Эти так называемые математические истины могут сведены на общую формулу _определения_: "Остров есть кусок земли, окруженный со всех сторон водою". Тут объясняется слово, а не предмет. Кроме того, математические определения вообще имеют дело с рамками, с самыми общими, совершенно бесцветными отвлеченностями, к которым человек не может иметь никаких личных отношений. _Два, прямая линия_ - все это не предметы, не явления жизни, а рамки, в которые можно вставить что угодно. Математические истины неизблемы, потому что они безжизненны; вне математики посмотрите куда угодно, - все понятия наши о природе и человеке, о государстве и обществе, о мысли и деятельности, о нравственности и красоте меняются так быстро, что последующее поколение не оставляет камня на камне в мирозерцании предыдущего. Кто устал идти, тот может сесть в стороне от дороги и помириться с тем, что его обгонят. Так сделал "Русский вестник", так поступил Г. Тургенев. Мнения "Русского вестника" соответствовали требованиям нашего общества года три тому назад; теперь они многим покажутся ретроградными. Образ Елены в "Накануне" мог казаться безукоризненно прекрасным года три тому назад; в 1860 году в нем уже могли заметить несмелые отношения автора к идее равноправности мужчины и женщины.

Вы видите таким образом, что не писать до тех пор, пока не установятся убеждения, значит без толку пожертвовать лучшими годами деятельности. Убеждения ваши _остановятся_ на каком-нибудь результате только тогда, когда вместе с костями и хрящами начнет твердеть и сохнуть мозг; вы остановитесь не потому, что достигли истины, а потому, что утомились работою жизни и мысли, потеряли ту эластичность, гибкость и подвижность ума, которыми обладали в молодости; остановившись, вы начинаете жить прошедшим, и если вы писатель, то этим же прошедшим вы делитесь с публикой. А прошедшее движущемуся обществу может дать материалы для размышления, а не норму для деятельности. Стало быть, ваши слова будут живее и плодотворнее, если вы выскажете их тогда, когда ваша личность и деятельность еще принадлежат будущему. Страстный бред или пылкая диалектика юноши западают в душу слушателя глубже и шевелят ее живее, чем мудрый совет старика, высказанный осторожно, бесстрастно и торжественно. Юноша способен ошибаться, - согласен, но зато он и не учит общества, не читает лекций; он сам ищет, сам стремится, а стремление к истине, поступательное движение всегда лучше обладания ею уже потому, что последнее есть самообольщение, а первое - действительный факт. Итак, позвольте людям, не достигшим крайних пределов своего развития, т. е. еще не остановившимся, - говорить, писать и печатать; позвольте им встряхивать своим самородным скептицизмом те залежавшиеся вещи, ту обветшалую рухлядь, которые вы называете общими авторитетами и которые, по вашему признанию, греют и красят вашу жизнь. Согласитесь с тем, что "спрос не беда" и что общему авторитету не больно от того, что его подвергнут сомнению. Если авторитет ложный, тогда сомнение разобьет его, и прекрасно сделает; если же он необходим или полезен, тогда сомнение повертит его в руках, осмотрит со всех сторон и поставит на место. Словом, вот *ultimatum* нашего лагеря: что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть. Клеветать, конечно, не следует; лгать в фактах - нехорошо, но в подобной лжи еще никто не уличил свистунов; их уличали в ложных воззрениях, а воззрения не могут быть ни истинны, ни ложны: есть мое, ваше воззрение, третье, четвертое и т. д. которое истинно? Для каждого свое, и потому я совершенно согласен с словами Г. Н. Ко., которые он хотел сказать мне _в пику_: "Давайте все мыслить самостоятельно, и - чур! - один другому не мешать". {53} Нашел в чем упрекнуть! в самостоятельности мысли. Давай бог побольше таких обличителей, которые, желая обругать, говорят комплименты.

Я заметил выше, что серьезные журналы делают из мухи слона, потому что им больше нечего делать; это положение я поддерживаю; только полнейшая умственная праздность может возводить в событие каждую статью "Свистка", каждую выходку Темного человека. Люди толкуют о серьезных интересах науки и общества и в то же время сотни страниц посвящают Г. Чернышевскому, которого сами называют свистуном и верхоглядом. И что это за страницы! сколько глубокомыслия, сколько пронизательной критики, сколько высоко нравственного негодования тратится на опровержение "Полемических красот"! Судя по тому значению, которое придают Г. Чернышевскому современные серьезные люди, надо думать, что если энциклопедический словарь дойдет до буквы _Ч_, {54} то ему будет посвящена обширная статья. Подлинно, Г. Чернышевский имеет полное право произнести известное стихотворение Пушкина: "Ex ungue leonem", кончающееся так:

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
Я по ушам узнал его как раз.

== XII

"Полемиические красоты" г. Чернышевского взволновали журнальный мир; никакое научное открытие, никакое серьезное исследование не обращало на себя так внезапно всеобщего внимания, гг. серьезных литераторов. "Русский вестник" с несвойственной ему поспешностью, в июньской книжке своего издания, отвечал на статью, помещенную в июньской же книжке "Современника"; {55} "Отечественные записки" в продолжение двух месяцев не спускают глаз с "Современника", лишаящего их сна и покоя; даже безвредный "Светоч" не преминул заявить свой протест против нарушения литературных приличий г. Чернышевским. {56} Мысль невольно переносится к той давно прошедшей эпохе, когда памфлет Ульриха фон Гуттен "Письма темных людей (Epistolae obscurorum virorum)" прошумел по Германии и нарушил умственную апатию записных ученых. Доктора и монахи принялись ругаться на все лады и доказали две вещи: во-первых, меткость ядовитого памфлета, во-вторых, собственную духовную нищету, связанную с нахальной заносчивостью и карикатурным самообожанием. Такого рода происшествия возможны во всякое время. Люди ленивые или от природы малосильные всегда сердятся на людей деятельных и даровитых, которые, идя скорее их, увлекают за собою большинство и пользуются его заслуженным сочувствием. Сердятся они не всегда из корыстных видов: иному действительно обидно; он, может быть, лет пятнадцать рылся в библиотеках и архивах, трудился в поте лица, считал себя полезным специалистом, предьявлял права на признательность соотечественников, и вдруг - о, разочарование! является какой-нибудь неизвестный юноша, высказывает о предмете специальных исследований мысли, ошеломляющие специалиста своею оригинальностью и новизною, и прямо называет долгие труды вышеописанного ученого сухим хламом, из которого не выжмешь ни идеи, ни важного фактического результата. Как же такому непонятому специалисту не озлиться? Как ему не пуститься с азартом в несвойственное ему поле журнальной полемики? Как ему в проклятиях против свистопляски не дойти до того пафоса задорности, каким отличается переписка Ивана IV с Курбским? Кто же решится сознаться даже перед самим собою (не то что перед публикою) в том, что он в продолжение десятков лет не знал, что делал и с какою целью трудился. Чтобы решиться на такое признание, надо быть почти великим человеком, а великие люди не тратят жизни на перепечатку летописей и на копировку старинных шрифтов. Раздражение г. Погодина, выразившееся в его письме к г. Костомарову и в изобретении слова "свистопляска", негодование г. Буслаева, напечатавшего в "Отеч зап" письмо к г. Пыпину, и гнев г. Вяземского, посвятившего свистунам сатирическую песнь лебедя, {57} объясняются только что выписанными мною побудительными причинами. Ярость "Русского вестника" и "Отечественных записок" объясняется проще. Винить журналиста в том, что он желает увеличения подписки, было бы смешно. Кто же себе враг? Фразам о бескорыстном служении идее и обществу наше время плохо верит. Как ни кричите против меркантильности эпохи, вы ее криком не прогоните. Эта меркантильность есть современная форма эгоизма, выражавшегося в прежние времена властолюбием, жаждою славы, донжуанством и т. д. Восставать против корыстолюбия журналов я не буду; постараюсь только посмотреть, какие средства они пускают в ход, чтобы выдвинуть себя вперед и отбросить совместников на задний план. Буду обращать внимание не столько на нравственное достоинство этих средств, сколько на их практическую пригодность. Можно быть отличным, честнейшим человеком и очень плохим литератором и тем более негодящимся журналистом. "Хоть пей, да дело разумей" - это мудрое правило надо особенно крепко помнить в наше время, когда развелись легионы печатающих людей, которые

Немножечко дерут,

Зато уж в рот хмельного не берут.

Впрочем, опять-таки этого нельзя сказать ни об "Отечественных записках", ни о "Русском вестнике". Те и дерут и чистотою литературных нравов не отличаются. Об "Русском вестнике" довольно будет заметить, что он не уважает умственной самостоятельности своих сотрудников (история о Свечиной), {58} попрекает г. Чернышевского саратовскою семинарию и даже пишет о том, что у него крадут книги и четвертаки. {59} Что же касается до "Отечественных записок", этого притона современной схоластики, кладезя недоступной премудрости, то я намерен посвятить им все продолжение этой статьи. Надо раз навсегда высказаться насчет этого ученого журнала, против которого почти невозможна серьезная критика. Почему? А потому что в нем нет

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
живой мысли, стало быть, надо или смеяться над тупым педантством, или
закрывать книгу и лечь спать с отяжелевшею головою.

Легион редакторов "Отечественных записок", {60} чего доброго, назовет эти слова нарушением литературных приличий; они скажут, пожалуй, что мне следует спорить с ними, а не отделяться брошенной фразой; они, может быть, сочтут мои слова уловкою; ведь требовали же они от Чернышевского, чтобы он состязался с Юркевичем; ведь считали же они отказ Чернышевского за доказательство его несостоятельности. {61} Поймите, господа, что спорить с вами и с г. Юркевичем - значит ломать себе голову, следя за извилинами ваших аргументаций, написанных тяжелым, неясным языком 30-х годов, входить в мрачный лабиринт вашей буддийской науки, {62} от которой мы сторонимся с немym благоговением. Скажите, ради чего нам с Чернышевским брать на себя такой труд? Чтобы убедить вас? Да мы этого не желаем. Чтобы убедить публику? Да она и без того на нашей стороне. Ей смертельно надоедает ваша наука и критика. Читает она в "Отечественных записках" повести, переводные романы (которых всегда довольно), исторические статейки; что же касается до критики, ее редко разрезают; вопросы, которые г. Дудышкин, как сфинкс современной литературы, задает на разрешение журналам (например, о Пушкине), {63} прочитываются для смеха журналистами и, как следует того ожидать, не разрешаются никем.

Убеждать публику нам, стало быть, не в чем; кроме того, смех и свист лучшие орудия убеждения. Если бы мы стали вас опровергать по пунктам, статьи наши вышли бы так же скучны и головоломны, как ваши критические исследования, а этого-то мы и не желаем. Итак, спорить с вами мы не будем, а смеяться, если придет расположение, не преминем. Спора вы требуете, а смеха боитесь. Вот смехом-то мы вас и доконаем. Вы непременно рассердитесь и в сердцах выкажете свои больные места, которых у вас очень много. Вы уже рассердились на г. Чернышевского и высказали много диковинных вещей. Кроме того, вы напрягли все свои силы, ничего не успели сделать и, следовательно, обличили свое беспомощное состояние, свою убогость, которую вы нас все-таки не разжалобите.

XIII

Шестьдесят пять страниц в разных отделах "Отечественных записок" 1861 года за август выдвинуто против второй коллекции "Полемических красот". Упрек в отсутствии направления подействовал слишком хорошо; все редакторы ополчились, как один человек, и пошли четверо против одного; впрочем, на флоте лилипутов, который увел в плен капитан Лемуил Гулливер, было гораздо больше четырех храбрых бойцов; все были воодушевлены патриотическим жаром, все они тоже защищали народность, и между тем все сдались на капитуляцию. Что делать, гг. идеалисты, спиритуалисты и супранатуралисты! Дух бодр, плоть немощна. Крестовый поход политической умеренности, исторического глубокомыслия, критической серьезности и откровенной запальчивости против наглого, насмешливого невежества кончился бесславным поражением. Ряды нападающих смешались; разнокалберность союзников и непривычка стоять под одним знаменем взяли свое; пошли ученые рыцари кто в лес, кто по дрова; своя своих не познаша, и предполагавшийся стройный натиск превратился в беспорядочное гарцевание, достойное Благосветлова, но нисколько не приличное для пуристов русской мысли. Бедные пуристы! Они были не на своем месте; они напоминали несчастного франца Горна, комментатора Уильяма Шекспира, попавшегося в дикую охоту и скакавшего за своим любимым поэтом на осле, держась за гриву и творя молитву дрожащим голосом (Heine. "Atta Troll"). {64} И что за охота? Ведь говорил вам Чернышевский: куда вам полемизировать! {65} а вы его не послушали; вы, вероятно, думали, что он говорит это от зависти; вот и додумались. А все - самолюбие вас губит. Ну, ему ли вам завидовать! Вот видите ли, в чем дело: нам (т. е. "Современнику" и "Русскому слову") позволительно посвящать вам обширные критические статьи; мы - люди задорные; мы в вашем лице осмеиваем рутину и, следовательно, остаемся верны своему характеру. Вам, напротив того, совсем не следует с нами говорить: всякая попытка свистнуть с вашей стороны доставляет нам перевес; вы беретесь за наше оружие, стало быть, полагаете, что оно лучше вашего, и, следовательно, этим самым осуждаете вашу всегдашнюю деятельность. Нельзя служить богу и мамону, а то выйдет ни богу свеча, ни черту кочерга. Вы должны показывать вид, будто чувствуете к нам полнейшее, холодное, равнодушное презрение, будто игнорируете нас; вы иногда стараетесь поступать таким образом, но солидность ваша не выдерживает разъедающего прикосновения меткой насмешки. Наш сарказм жжет вас, как раскаленное железо; вы теряете всякое хладнокровие, забываете

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
роль и, не умея язвить шуткою, начинаете браниться, почерпая ваши слова то из церковно-славянского (например, срамословие, скверномыслие), то из площадного народного. Вот в эти-то минуты вы крайне занимательны; тут-то вас и нужно изучать и списывать с натуры.

Августовская книжка "Отечественных записок" доставила мне самое живое наслаждение своею полемическою частью. Она дорисовала те образы, которые складывались уже в моем уме; она показала мне, как говорят и действуют рутинеры, выведенные из терпенья и чувствующие, что почва колышется под их ногами. Мне случалось читать в истории об отчаянной борьбе отживающего с начинающим жить, и теперь мне очень приятно проследить в маленьких размерах процесс этой борьбы между представителями русской мысли. Тяжело смотреть на агонию человека или животного, но агония идеи, принципа, направления представляет любопытное и приятное зрелище. Весело смотреть на то, как защитники этого умирающего принципа мечутся, суетятся, теряют голову, противоречат сами себе, сбивают друг друга с ног, говорят все вдруг, как Добчинский и Бобчинский, и все-таки лишаются постепенно своих прозелитов; а между тем новая идея, как пожар, разливается по сцене действия, не останавливается никакими преградами, просачивается сквозь щели стен и дочиста сжигает старый хлам, как бы ни был он плотно закупорен и под каким бы крепким караулом его ни содержали. Чернышевский говорит, что в "Отечественных записках" нет единства направления, и Г. Дудышкин торжественно соглашается с ним от лица всех главных членов редакции (август, "Русск лит", стр. 148). Я позволяю себе не согласиться ни с тем, ни с другим. Статьи "Отечественных записок" часто противоречат друг другу это правда; но у них есть что-то общее, есть свой букет, который принадлежит им одним; этот букет они называют _серьезностью_; в переводе на общеупотребительный русский язык это значит - недоступность живым интересам, неумение и нежелание отнестись к возникающим вопросам откровенно и ясно, _игнорирование_ живых и больших мест нашей частной и общественной жизни. Возникает ли какой-нибудь литературный спор о предмете общеизвестном, имеющем практическое значение во вседневной жизни, - "Отечественные записки" тотчас превращают спор в научную теорему; предмет уносится учеными критиками на вершины Олимпа российской мысли, и густой туман скрывает его от глаз обыкновенных зрителей; кто попроще, тот начинает благоговеть, ничего не понимая, а кто смелее, тот закрывает книгу и говорит, что начинается "ерунда". В обоих случаях вопрос, поставленный жизнью, остается нерешенным и понемногу замирает. Достоинство журнала спасено, а между тем не высказано ничего резкого, что могло бы раздражить гусей; и волки сыты, и овцы целы.

Вот видите ли, в нашем общественном мнении есть множество оттенков, нечувствительно переливающихся один в другой. Крайними полюсами этого общественного мнения можно назвать, с одной стороны, Аскоченского, с другой - ну, хоть бы Чернышевского, благо мы часто о нем упоминаем. У Аскоченского есть положительная сторона - ханжество, и отрицательная - ненависть к человеческому разуму. Эта отрицательная сторона, эта ненависть у него выражается грубо, рьяно, нелепо; если от Аскоченского мы будем постепенно подвигаться к Чернышевскому, эта ненависть будет находиться в убывающей прогрессии; мракобесие перейдет в мраколюбие, наконец, в довольство мраком, в терпение мрака; доводы против разума будут видоизменяться, но полную эмансипацию разума мы найдем только на противоположном полюсе. Дух Аскоченского веет не в одной. "Домашней беседе"; с его веянием можно встретиться даже за пределами любезного отечества; ослабленные и смягченные Аскоченские есть и в Европе, даже в Англии, даже в партии виггов. Авторитеты их, пожалуй, благообразнее наших, но в сущности все равно, пеньковая или шелковая веревка вяжет вас по рукам и по ногам! Шелковая даже хуже; от нее не так больно, и потому связанный легче мирится с своим положением. Отношения "Отечественных записок" к разуму отличаются робостью; самодейтельность мысли отошла от них вместе с Белинским; новая идея не найдет себе приюта на страницах этого журнала; риск велик! Кто ее знает, эту идею? Вдруг окажется вздором, не примется в обществе; начнут над нею смеяться; нет, лучше не рисковать; лучше идти себе битую дорожку, печатать новости задним числом, хвалить то, что уже все признали хорошим, и бранить то, в чем еще сомневается большинство. Внешним образом эта черта характера "Отечественных записок" выразилась в том, что, сколько мне помнится, ни один литератор не начинал своей карьеры в "Отечественных записках". Когда имя делалось известным, Г. Краевский допускал его на Олимп; талантливый юноша, не печатавший до того времени нигде, не мог прямо попасть в "Отечественные записки", хотя бы он был семи пядей во лбу. Это было очень благоразумно со стороны Г. Краевского. Когда нет творчества, не надо

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org творить; когда нет собственной критической способности, надо поневоле полагаться на мнение других; "нечем петь, когда голоса нет", поговорит русская пословица. Откровенное сознание собственной несостоятельности – дело очень похвальное, хотя, конечно, было бы еще похвальнее совсем не браться за такое дело, в котором не смыслишь ни аза. Итак, робость и неясность отношений составляют букет "Отечественных записок". Причина этих свойств заключается отчасти в дипломатической осторожности, отчасти в слабости мысли. Ширина и смелость взгляда, неумолимая последовательность логики, ясность и простота в решении вопросов свойственны только живому уму, а его нет в редакции "Отечественных записок". Посредственность не любит быстрого поступательного движения; оно ее утомляет; довольствоваться наличным умственным капиталом, старую философскую систему, шлифовать и полировать уголки, любоваться деталями вот ее дело, вот сфера ее муравьиной деятельности. А тут вдруг придет какой-нибудь нахал, все переворачивает, все переломает, на шумит, напылит, так что после его вторжения хозяин не может узнать своего уютного кабинета, в котором все было так аккуратно, так невозмутимо-спокойно, так тихо и безмятежно. Собирается он с силами, чтобы после нашествия нового Аттилы привести в прежний порядок свою крошечную систему, в которой ему было тепло, в которой он чувствовал себя безопасным, как улитка в раковине, и к которой он даже, может быть, успел приохотить кружок почтительных и кротких прозелитов. Хлопочет он о том, чтобы истребить следы разрушительного набега, да что-то не ладится; прозелиты ошеломлены; одних прельстила смелость вражеского натиска, других она удивила, третьих привела в негодование, но во всяком случае все они уже не те невинные, непосредственные, нетронутые слушатели, какие были прежде. Да и система не доставляет добродушному хозяину прежнего умственного комфорта. Молча перенести дерзкое нападение невозможно: самолюбие мешает, да и опасно; мальчишки – народ заносчивый, зазнаются, примут молчание за признак слабости; надо спорить, да и притом как спорить! Состязаться с человеком одной школы с вами приятно; говоря с ним, вы можете сослаться на положения учителя, и, лишь бы статья вашего общего кодекса была подведена верно, ваш противник согласится с вами и даже будет смотреть на вас с сугубым уважением, как на человека, которому полнее доступна неизреченная мудрость. Но спорить с человеком другой школы совсем не то; вы сошлетесь на авторитет, а он вам скажет, что знать его не хочет; вы скажете: "Это говорит Гегель!", а он ответит: "А мне что за дело!" – Вам придется доказывать основные положения, шевелить такие стропила учения, которые вы считали незыблемыми и неприкосновенными, придется переделывать сызнова дело учителя, и притом при таких условиях, которые значительно усложняют задачу. Когда жил и действовал учитель, тогда люди его времени еще не могли приготовить против его учения разрушительных доводов, по той простой причине, что учение было ново, свежо, способно развиваться и не похоже на жреческую символистику; когда жил этот предполагаемый учитель, он уловил последнее слово своего времени и развил его в систему; теперь настали другие времена; выработалось другое* последнее слово, и можно сказать наверное, что если бы учитель жил в наше время, то и учение его вышло бы не такое, каким он его сделал. В наше время Гегель, наверное, не был бы гегельянцем, потому что только узкие и вялые умы живут в области преданий тогда, когда можно выйти в область действительно живых идей и интересов.

Итак, умственная посредственность всегда отличается пассивным консерватизмом и противопоставляет натиску новых идей тупое сопротивление инерции. Бывает и прозелитическая посредственность; иные нищие духом стремятся, очертя голову, вслед за увлекающим их талантом; слепой фанатизм и дешевый скептицизм одинаково часто встречаются в людях ограниченных; но в нашем обществе дешевый скептицизм, кажется, преобладает, потому что мы вообще страстностью не отличаемся. Вот эту-то тупую оппозицию инерции и беспричинного скептицизма вы встретите на каждой странице "Отечественных записок".

Слова "оппозиция" и "скептицизм" требуют некоторого пояснения. Оппозиция есть гарантия личности против посягательств большинства или силы; осмысленная оппозиция возбуждает к себе искреннее сочувствие и заслуживает полное уважение со стороны всякого благородного человека; но что вы скажете, например, об оппозиции помещицы Коробочки, не желающей продать мертвые души на том основании, что она не знает городских цен? Ведь источник этой оппозиции заключается в неспособности понять предмет, в неумении или нежелании сделать малейшее усилие мысли. Оппозиция многих староверов очень напоминает оппозицию Коробочки. Ему толкуют об удобстве какой-нибудь земледельческой машины, – он слушает из пятого в десятое и потом наотрез отказывается сделать нововведение. Вы добиваетесь причины его

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org упорства, считаете вашего собеседника фанатиком наследованного от отцов экономического порядка вещей, строите в голове целую теорию об исторической памяти русской народности, а между тем ваш дубиноголовый противник способен ответить вам только словами Лазаря Елизарыча: "Для того, что не для чего!.." {66} Он упирается, потому что не ясно понимает, а не понимает и не хочет понимать оттого, что не привык работать мыслью, - а на старости лет привыкать мудрено!

Скептицизм велик и законен как следствие разлагающей деятельности мысли, как результат тщательного анализа; но скептическое отношение к предмету мало известному обличает только нежелание взглянуть в него и ближе с ним ознакомиться; такой скептицизм вытекает часто из очень мелкого и мутного источника. Возьмем пример. Положим, что моя статья возбудит к себе недоверие в двух читателях: один прочтет ее внимательно и, положим, заметит в ней противоречия, тон страстного раздражения, натяжки в выводах; это наведет его на мысль, что статья написана пристрастно, он отнесется к ней скептически. Такого рода скептицизм вполне уважителен; он основан на знакомстве с предметом; ошибка тут возможна, но не неизбежна. Другой читатель перелистует статью, увидит, что дело идет об "Отечественных записках", и скажет: "Это брань журналистов, старающихся переманить подписчиков. Вздор! не стоит читать!" - Это уже дешевый скептицизм, хватающий верхушки, судящий по внешности, не желающий или не умеющий приложить анализа к самому предмету. У человека, способного к такому скептицизму, есть в голове несколько десятков готовых суждений, и он подводит под них разные случаи жизни, нимало не заботясь о их действительной физиономии. Развиваться такой человек не способен; вращаясь в безвыходном кругу готовых суждений и выветрившихся фраз, он не видит действительного мира и не дает себе труда взглянуть на него просто и серьезно. Эта оппозиция и этот скептицизм выражаются в самых разнообразных формах. "Отечественные записки" выражают их тем, что не высказывают никогда определенного мнения; в них вы не найдете такого слова, из которого можно было бы вывести осязательное, практическое заключение. У них есть два молчалинские таланта: умеренность и аккуратность, которую они называют серьезностью. До "степеней известных" они уже дошли. Разве двадцать три года существования журнала, и притом от 1838 1861 года, не "степени известные"?

XIV

Букет "Отечественных записок" я нашел; их цвет - бесцветность; их тактика состоит в том, чтобы говорить, ничего не высказывая, числиться в рядах прогрессистов, не разделяя с ними трудов и опасностей, отуманивать своих читателей книжною ученостью и отводить им глаза от живых идей, вопросов и интересов. Почему они молчалинствуют - по расчету или по умственной убогости, - решить не берусь; может быть, по тому и по другому вместе. Посмотрим лучше, какая общая тактика журнала выдерживается в различных отделах. Первая полемическая статья, встречающаяся в августовской книжке, принадлежит перу г. Альбертини; с нее я и начну. {67}

Г. Альбертини вступает за Кавура, стыдит г. Чернышевского его незнанием и советует ему побольше читать и учиться. О Кавуре г. Альбертини спорит, нимало не обобщая вопроса; он полагает, что нападки "Современника" направлены, против личности, а не против типа, против отдельных поступков Кавура, а не против целого направления его политики. Г. Альбертини не понимает или не хочет понимать, что г. Чернышевский восстает против Кавура за то, что, находясь по своему положению во главе современной Италии, сардинский министр сдерживал воодушевление народа (боясь, чтобы оно не хватило через край), вместо того чтобы поддерживать его и давать ему направление. Кавура осуждают за то, что он был более пьемонтским подданным, чем гражданином свободной Италии. Если вы, г. Альбертини, способны возвыситься до синтетического взгляда на личность Кавура, тогда доказывайте нам противное; мы вас послушаем. Но если вы любите изучать факты, не обладая способностью обобщения, тогда вам нельзя спорить с Чернышевским; да он и не станет с вами спорить. Замашка останавливаться на голом факте, на заглавии обнаруживается также в том месте, где г. Альбертини говорит о Пальмерстоне и Брайте. Г. Чернышевский в "Полемических красотах" говорит, что для удобства и для краткости называет один тип прогрессистов - Пальмерстоном, другой Брайтом. Предупредив таким образом читателя, он говорит: "Пальмерстон только тогда непоколебим, когда опирается на Брайта, и теряет власть, когда отталкивает от себя Брайта". Ясно, что это надо понимать так: "Английское правительство, выставляющее на своем знамени

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
девиз прогресса, только тогда непоколебимо, когда опирается на ту часть народа, которая действительно воодушевлена прогрессивными стремлениями". Против этой мысли должен был возражать г. Альбертини, если он с нею не согласен. Но он сделал совсем не то. Он совершенно утаил от своих читателей тот смысл, который г. Чернышевский придал именам Пальмерстона и Брайта; он берет слова г. Чернышевского *au pied de la lettre* {Буквально (франц.). - Ред.} и начинает объяснять различие между Пальмерстоном и Брайтом, невозможность их соединения и грубость ошибки, сделанной критиком "Современника". Вся тирада эта, пущенная не против г. Чернышевского, а против какого-то воображаемого противника, завершается так: "О таких вещах, об азбуке современной политики, совестно толковать порядочным людям, а вы меня хотите уверить, будто Пальмерстон тогда и силен, когда слушается Брайта. Как вам не совестно?" Кто не понимает мысли своего противника, когда она выражена ясно, тот обнаруживает слабоумие. Кто не хочет понимать и умышленно искажает мысль противника, тот поступает бесчестно и унижается до степени литературного фокусника ("Отечественные записки" сказали бы даже: "мазурика"). Которое из этих двух объяснений благоволит принять г. Альбертини, не знаю, но думаю, что третьего не сумеют приискать ни сам он, ни литературные его сподвижники. Совестно-то будет, должно быть, не г. Чернышевскому.

Далее следует статья того же г. Альбертини об Токвиле, 68 как значится в заглавии, но героем статьи является все тот же г. Чернышевский. Из этой статьи я выпишу несколько умилительных мест и ничего не скажу об общей идее, потому что общей идеи нет. Автор силится доказать, что Токвиль - прекрасный человек, а Чернышевский - нахал и невежда; но, прочтя его статью, читатель не выносит никакого понятия о французском публицисте, и даже обвинение в сумбурности, неосновательно взведенное на него г. Чернышевским, не оказывается снятым. Избави бог от защитников, подобных г. Альбертини! Они способны затемнить самое чистое дело и запутать самый простой вопрос. В некоторых местах, казня своего лютого врага, г. Альбертини возвышается до пафоса иронии. "Неужели, - восклицает он, - после этого (т. е. обругавши Кавура и Токвиля) вы (Чернышевский) осмелитесь еще требовать от нашей молодежи, чтоб она серьезно училась? Полноте! Вы гордитесь, кажется, что вас читают с удовольствием. Знаете ли, кто читает вас с истинным удовольствием? Все господа Якубовичи, да Кондыревы (безграмотные переводчики Токвиля). Оттого-то они и перевели так безобразно Токвиля, что вас они читают с удовольствием и позаимствовались от вас тем пренебрежением к науке, к серьезной мысли и к серьезному труду, которого проповедник всегда найдет себе приверженных адептов. Отчего же вы так несправедливы к своему адепту, г. Якубовичу? Отчего же вы его обвиняете в бессмыслице? Если бы вы были последовательны, вы его должны были бы погладить по головке за то, что он так дико перевел писателя, по-вашему, сумбурного".

Когда г. Альбертини говорит хладнокровно, тогда ему почти не нужна логика; рассказывать события можно в хронологическом порядке; рассуждения можно заимствовать из плохих немецких газет; отсутствие собственных приговоров можно выдавать читателям за осторожность и серьезность. Недостаток логической связи и последовательности может пройти незамеченным, тем более, что русская публика читает невнимательно и с обзором политических-событий знакомится не столько по ежемесячным журналам, сколько по ежедневным газетам. Но в полемике с г. Чернышевским вопрос становится иначе. О Чернышевском за границей не пишут, стало быть, о нем надо говорить свое. Кроме того, сонливое спокойствие, или, что то же, историческое беспристрастие, хранившееся в груди г. Альбертини, когда он рассуждал о Кавуре, Росселе и Пальмерстоне, исчезло; г. Чернышевский задел самолюбие нашего публициста, и г. Альбертини начал свое знаменитое: "*quo usque tandem*". {Доколе (начало знаменитой обличительной речи Цицерона против Катилины). - Ред.} Тут понатобилась хоть бы внешняя связь - и логика г. Альбертини (именно его собственная, исключительная логика) обозначилась. Проскользнула вместе с индивидуальной логикой и нравственная исповедь. Спихватитесь во-время, г. Альбертини! Вы расточаете перед нами сокровища вашей рыцарской литературной честности!

Вы находите: 1.) что г. Чернышевский должен был похвалить работу г. Якубовича, потому что г. Якубович - его адепт, и 2) что г. Чернышевский должен был обрадоваться безобразному переводу Токвиля, потому что он не соглашается с его идеями. Вы упрекаете Чернышевского в непоследовательности за то, что он не поступает таким образом; значит, вы на его месте поступили бы так, как советуете ему поступить; таким образом, вы даете нам право

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org воспроизвести две следующие статьи вашего нравственного кодекса: 1) должно хвалить своих адептов, хотя бы они говорили вздор и делали гадости; 2) должно ругать наповал своих противников, чернить их всеми правдами и неправдами и радоваться, если чернит их кто-либо другой. Эти статьи вашего кодекса дают нам ключ к пониманию вашей выходки против Чернышевского по поводу Брайта и Пальмерстона; ясно, что она сделана не по наивности.

Понятным делается также следующее место: "Мы могли бы трактовать его (Чернышевского), как трактовали некогда г. Благосветлова, как обыкновенно трактуют балаганных паяцев; которых все дело - выкинуть штуку половче, показистее". И Чернышевский и Благосветлов известны как ваши литературные противники, ergo: {Следовательно (лат.). - Ред.} надо ругать. Дайте срок, г. Альбертини. Напишите еще две-три статьи, подобные разбираемой нами, провритесь еще раза три так, как проврались теперь, и ваша брань делается так же почетною, а похвала так же позорною, как брань и похвала юродствующего редактора "Домашней беседы". Вот еще одна выписка, в которой проведено то же нравственное воззрение. "Люди "Современника" находят; следовательно, что авторитет Токвиля может помешать воспринятою и усвоению в нашем обществе их собственных идей о тех самых предметах, о которых рассуждает Токвиль; вот отчего и понадобилось им сокрушить его авторитет. Иначе зачем бы им было собирать грозу против Токвиля, доказывать его сумбурность, убеждать своих читателей не читать Токвиля?" - Г. Альбертини хотел бросить в Чернышевского большим комом грязи и сам по локоть выпачкал себе руки; всего смешнее то, что он сам этого не замечает и что другие со стороны должны говорить ему: "Посмотрите на себя! что вы с собою сделали? на что вы похожи?" Ведь по-вашему выходит, что назвать белое белым, а черное черным можно только в том случае, если это доставляет вам прямую выгоду, если у вас в этом деле свои расчеты. Представитель серьезной науки, служитель идеи, поборник истины, что вы говорите! Ведь после этого честному человеку нельзя спорить с вами, потому что вы в отвлеченном споре преследуете только ваши выгоды и в собеседнике вашем предполагаете такие же тенденции. Вы говорите возмутительные вещи, и на вас нельзя сердиться только потому, что вы сами не понимаете веса своих слов. Вы несведущи, как ребенок, но как развращенный ребенок; вы говорите громко то, что многие думают про себя; но то, что вы говорите, - все-таки дурно. Вашу непосредственностью уничтожается вменяемость преступления, но публичке остается только недоумевать, как это бессознательно лепечущий младенец может писать и печатать серьезные статьи? Впрочем, в наш век удивительных изобретений все возможно. Есть молотильная машина, швейная машина, скоропечатная машина. Кто знает, может быть г. Краевский прославится изобретением машины, доставляющей за умеренную плату журнальные статьи произвольного объема и направления! О г. Альбертини довольно. Его, вероятно, достаточно поняли мои читатели. Перехожу к г. Бестужеву-Рюмину.

XV

Статья г. Бестужева-Рюмина {69} направлена против статьи г. Чернышевского "О причинах падения Рима". Бестактность редакции "Отечественных записок" обнаруживается вполне в помещении этой статьи в августовской книжке. Статья г. Чернышевского напечатана в мае. Спрашивается, отчего г. Бестужев-Рюмин ждал два месяца и пустил свою статью именно после июльских "Полемических красот"? Вот единственный возможный ответ: "Отечественные записки" верни тому принципу, который с детскою откровенностью высказал г. Альбертини. Г. Чернышевский вдвойне враг их: как член редакции "Современника" и как автор "Полемических красот"; его надо ругать, придираясь ко всякому удобному и неудобному случаю. Г. Бестужеву-Рюмину попадает в руки подлая книга Дюбуа-Гюшана о Римской империи. {70} Чернышевский тоже писал о Римской империи. Прекрасный случай! Как отказать себе в удовольствии поставить рядом имена Дюбуа и Чернышевского; как не провести между ними параллели. Общего нет ничего - ни во внешности, ни в содержании, ни в направлении их трудов нет ни малейшего сходства, но зато впечатление на читателя будет произведено; иной доверчивый добряк (а на такую рубрику, кажется, сильно рассчитывают "Отечественные записки") в самом деле поверит, что Чернышевский и Дюбуа-Гюшан - одного поля ягоды; вот и цель сопоставления будет достигнута. Позднее появление статьи г. Бестужева-Рюмина и ее заголовок предрасполагают против нее; трудно себе представить, чтобы человек мог написать что-нибудь хорошее, когда он берется за перо с твердым намерением очернить своего противника. Искреннее воодушевление, кипучая диалектика, разительность доводов возможны при полемике только в том случае, если вы спорите как представитель известной идеи. Если же существуют личные отношения между полемизирующими сторонами и если эти

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org личные отношения всплывают в споре, тогда полемика превращается в перебранки, надоедает публике и возбуждает в ней законное презрение. Чтение статьи г. Бестужева-Рюмина оправдало мое неприязненное предрасположение. Говоря о Дюбуа-Гюшане, он ни с того, ни с сего вставляет язвительные (по его мнению) намеки насчет поверхностности убогих фельетонистов, которые, черпая "свои идеи из юмористических стишков, а познания из кой-каких полубеллетристических книг", ненавидят "самое имя науки", потому что "некогда профессор срезал его на экзамене на каких-нибудь грамматических формах", и так далее, в том же ядовитом роде. Не правда ли, намеки так тонки, что читатель, не приготовленный специально, т. е. не знающий скрытых страданий серьезного журнала, не поймет, в чей огород г. Бестужев-Рюмин метет камни. Он говорит, что, встречаясь с произведением такого "убогого фельетониста, можно только улыбнуться и пойти прочь; избиение невинных дело очень легкое и потому мало привлекательное". Какой шутник г. Бестужев-Рюмин! Он в продолжение двух месяцев собирался _улыбнуться_, а _пойти прочь_ решается, только написавши 15 страниц; и все это ради убогого фельетониста, ради невинного малютки, г. Чернышевского, которого наш ученый критик может так легко убить статью, взмахом могучего пера. Только серьезные люди способны шутить так естественно, мило и, главное, правдоподобно, как шутит г. Бестужев-Рюмин. Серьезная часть статьи представляет в патологическом отношении такое же замечательное явление, как и запоздавшая улыбка. Книга Дюбуа-Гюшана, нравственное состояние современной французской литературы, римский мир, цезаризм и наполеонизм - все это только декорации; живет и действует среди этой грандиозной обстановки все то же лицо, убогий фельетонист, которого не стоит даже оспаривать. Образ г. Чернышевского, как неотвязчивый призрак, как мысль о любимой женщине, преследует г. Бестужева-Рюмина, и наконец, наскоро развязавшись с Дюбуа, пустив стороною несколько тяжеловесных сарказмов в школьничков, вооружающихся "детской пращою против голиафов умственного мира", наш ученый критик всецело посвящает себя статье г. Чернышевского. Статьи этой он, однако, не понимает. Как и следует ожидать, он, как сотрудник "Отечественных записок", останавливается на букве и не возвышается до идеи. "Г. Чернышевскому, говорит он, - захотелось доказать, что новым обществам не грозит той катастрофы, которая разрушила древний мир". Помилуйте, г. Бестужев-Рюмин. Чтобы доказывать такую штуку, надо быть кифою Мокиевичем, {71} а не г. Чернышевским. Кто же боится подобной катастрофы? Даже заклятые руссофилы {72} перестали называть Запад гнилым и предекать ему неминуемое разложение. Как же это вошла в голову Чернышевского мысль доказывать то, против чего никто не спорит, о чем даже никто (кроме Дюбуа-Гюшана разве) не говорит? Статья Чернышевского вызвана книгою Гизо, появившеюся в русском переводе; {73} в этой статье г. Чернышевский восстает против исторического мистицизма и исторического фразерства, которые можно заметить даже у такого строгого мыслителя, как Гизо. Большинство историков, в том числе и доктринер Гизо, говорят, что древний мир _должен_ был пасть; что его опрокинула не стихийная сила, не германцы, а внутренняя необходимость. Германцы являются какими-то *charges d'affaires* {Поверенные в делах (франц.). - Ред.} исторического промысла, являясь потому, что понадобились живые соки в историческом организме. Словом, эти историки видят в цепи событий общую разумную идею. Г. Чернышевский смотрит на вещи проще и хладнокровнее. Он говорит, что за классическою цивилизациею наступило варварство не потому, что так было необходимо, а потому, что так случилось. Классический мир погиб оттого, что его буквально задавили варвары. Не будь варваров, он бы жил до сих пор и, наверно, выработал бы себе и новые идеи, и новые стремления, и новые бытовые формы. Против этого возражать мудрено. Как же бы в самом деле погибла классическая цивилизация, если бы никто не разорял городов, не жег книг и не бил людей? Положим, пролетариат бы с каждым годом увеличивался, - что ж из этого? Если вы слишком натянете струну - она лопнет. Если голодный народ дойдет до крайней степени страдания - он взбунтуется. {74} Так или иначе произойдет переворот; оппозиция сделается правительством, и пойдут новые порядки. Как бы ни было тяжело жить, а не могли же все жители Рима разбежаться в леса, уничтожить свои жилища и превратиться в полудиких. Все эти события, обозначающие собою падение цивилизации, возможны только при напоре грубой материальной силы, т. е. опять-таки при нашествии варваров или, что почти то же самое, при геологическом перевороте. Стало быть, основная мысль г. Чернышевского остается верною: не будь варваров, не было бы и падения древней цивилизации. Внутренней необходимости падения не было. Но, доказывая верную мысль, г. Чернышевский, как с ним часто бывает, заходит слишком далеко и впадает в парадокс. Он начинает утверждать, что общество не бывает ни молодым, ни зрелым, ни старым, что изменяются и старятся только отдельные люди и что на место 20-летнего Петра выдвигается

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
20-летний Иван, потом 20-летний Андрей, обладающий тою же свежестью сил и теми же юношескими стремлениями; какими в свое время обладали состарившиеся Иван и Петр. Парадоксальное положение это опровергается двумя-тремя простыми вопросами: г. Чернышевский, неужели вы думаете воспитать вашего сына в тех идеях, в каких вас самих воспитали ваши родители? Г. Чернышевский, неужели вы теперь пишете то же самое, что в 1841 году писал барон Брамбеус? Г. Чернышевский, неужели вы разделяете верования и предрассудки вашего дедушки? Или неужели ваш дедушка с удовольствием прочел бы вашу статью об антропологическом принципе? Ответив себе на эти вопросы, г. Чернышевский немедленно убедится в том, что он теперь не то, чем был, лет 20 тому назад, его отец, и что сын его (г. Чернышевского) будет, лет через 20, не то, что теперь г. Чернышевский. Убедившись в этом, он допустит обществу возможность крепнуть и дряхлеть, но все-таки никогда не согласится с тем, чтобы общество могло одичать, а цивилизация погибнуть без внешнего напора материальной силы.

Философскую часть статьи г. Чернышевского г. Бестужев-Рюмин совершенно оставляет без внимания. Он приступает к разбору журнальной критической статьи как к оценке специального исторического исследования. Он сражается не с идеею, а с отдельными фактами, и, сказать правду, сражается крайне неудачно. "Точно ли, - спрашивает он, - Риму нужно было ждать варваров, чтобы погибнуть? Что же, Марий с своими когортами, Сулла с проскрипциями, триумвиры с своими знаменитыми пожертвованиями были лучше варваров?.. Не изменилось ли под влиянием всех этих событий римское общество, не переменялся ли самый состав его, не перемешались ли его элементы?" Ну, что же из этого следует? - Общество изменяется, элементы перемешиваются, а классическая цивилизация все-таки живет, и люди все-таки не превращаются в дикарей, несмотря ни на когорты Мария, ни на проскрипции Суллы, ни на жертвования триумвиров. Но приходят варвары, режут целые населения, сжигают города, - и цивилизация тонет в крови, задыхается под пеплом и мусором. Вы сами, г. Бестужев-Рюмин, возражая г. Чернышевскому, говорите то, что сказал он в своей статье. После Мария, Суллы и триумвиров классический мир дышал целые пять столетий, сопротивляясь даже внешнему напору германцев. А если бы не было этого внешнего напора, мы не знаем, как бы повернулись дела. Протест против военного деспотизма, против угнетения рабов, против господствовавшего разврата слышался с разных сторон; протестовали философы, поэты, историки; протестовали жизнью и смертью христианские мученики, египетские терапевты и чисто эллинские новоплатоники. {75} В законодательстве и в судебной практике замечаются около времени Антонинов некоторые смягчения, участь рабов облегчается, увольнение раба становится легче и прочнее. Очень правдоподобно, что древний мир извернулся бы своими средствами, если бы его не скрутили внешние обстоятельство. Мало того, иначе даже и не могло бы случиться. Мыслимо ли, чтобы какой-нибудь народ умер естественною смертью, если его не теснят снаружи? А ведь древний мир представлял собою, как выражается сам г. Бестужев-Рюмин, "конгломерат народов". Каково бы ни было истощение его духовных сил, а умереть он не мог. Переворот был неизбежен, но самый этот переворот и предупредил бы гибель; как только зло или, проще, неудобство общественного устройства становится невыносимым для большинства граждан, так это устройство и сваливается, как засохший струп, как бесполезная чешуя. Так, без сомнения, случилось бы и с Римом. Но г. Бестужев-Рюмин, как идеалист, не может помириться с трезвым воззрением г. Чернышевского. "Жаль, - говорит он, - что вы не взглянули на римскую империю еще с другой, весьма поучительной точки зрения. В Риме материальная цивилизация была доведена до последних пределов; житейский комфорт, роскошь - все это развивалось до размеров громадных. Кажется, чего бы лучше; человечество должно бы благоденствовать. Мало того: равенство было совершенное; правда, существовали рабы, но и с ними, как непобедимо доказывает г. Дюбуа, обходились человеколюбиво... Чего же не доставало Риму? Тех учреждений, которыми он некогда был силен, и тех деятелей, тех воззрений, которые немислимы в душной атмосфере цезарского Рима. Вот чего ему не доставало; не доставало сознания, что "не о хлебе едином жив будет человек", не доставало даже возможности и силы всецело принять в себя это сознание". Это место характерно как по своей фразистости, так и по полному незнанию предмета, которое обнаруживает в нем г. Бестужев-Рюмин. Разврат, чувственность, преобладание материи над духом - вот те свойства, которые сплеча приписывают древнему миру люди, знающие его кое-как, из вторых и третьих рук. "Древний Рим утопал в роскоши и в разврате; древние доблести его померкли", - скажет вам любой гимназист по Кайданову или Смарагдову; то же самое говорит нам и серьезный критик. "Риму не доставало сознания, что не о хлебе едином будет жив человек", т. е. не доставало аскетизма. Странно!

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
Справьтесь с любой историей древней философия (возьмите, например, 4-й том Генриха Риттера), и вы увидите, что во времена императоров философы всех школ (кроме эпикурейцев) сошлись "между собою в аскетических и мистических стремлениях. Но что же мог сделать аскетизм? Высосать те живые силы, которые могли составить энергическую оппозицию. Так он и сделал. Чистые аскеты, новоплатоники и новопифагорейцы удалились в мир призраков и галлюцинаций, изморили себя постною пищею и пустыми обрядами и, стремясь стать выше земного, сделались не способны ни к чему земному. У них были живые идеи, но эти идеи были завалены хламом самоистязания и фантазерства, тем сознанием, над которым умиляется г. Бестужев-Рюмин. Чего другого, а аскетизма и суеверия было в Риме довольно. Изумительно также то проворство, с которым г. Бестужев-Рюмин отделяется от рабства, составляющего самую большую сторону древней цивилизации. Шутка ли это над г. Чернышевским или действительное мнение г. Бестужева-Рюмина - все равно. В нашем молодом обществе шутить вещами, подобными рабству, - неуместно; обходить такие вопросы в серьезной статье серьезного журнала или относиться к ним слегка просто непозволительно. Это значит играть словами, маскируя от читателя их истинный смысл. "Нет, г. Чернышевский, мало одной материальной цивилизации, мало накормить народ, - продолжает наш критик: - надо еще способствовать его развитию; а этого Рим не мог сделать". Я узнаю в этих словах дух того журнала, в котором был помещен проект г. Щербины о "читальнике". {76} Учить народ, пускать в продажу правительственным путем книги для чтения - все это дело известное. А не лучше ли бы было "накормить народ", не, заваливая его непосильною работою. Досуг и материальное довольство порождают цивилизацию; упрочьте экономический быт, обеспечьте материальную сторону, и народ, скорее, чем вы думаете, примется читать и даже писать книги. А на голодный желудок как-то плохо действует книжное учение. "Отечественные записки" говорят: "Помогайте народу развиваться", а мы говорим: "Не мешайте народу, удалите препятствия, он сам разовьется". Кто из нас прав?

Далее г. Бестужев-Рюмин винит статью г. Чернышевского в том, что ее последнее слово - "преобладание материальных интересов над всеми другими условиями существования общества, т. е. именно то, что так долго старались втолковать нам, и, кажется, не без успеха, но от чего пора нам излечиваться: общества чисто материальные создают "движимый кредит", книгу г. Дюбуа и цезаризм". Что значит слова: "что так долго старались втолковать нам"? Кто же это втолковал нам доктрину материализма? Да и возможна ли пропаганда материализма в таком обществе, где до наших времен, до нынешнего года существовало крепостное право? Ведь только идеалистическое воззрение, говорящее, что высокая степень духовного развития дает _право_ одному человеку брать опеку над другим, только такое воззрение, говорю я, может оправдывать порабощение личности. Да и кроме того, пора взять в толк, что неудовлетворение какой бы то ни было материальной потребности кладет непреодолимое препятствие дальнейшему развитию, физическому, духовному, нравственному, интеллектуальному - какому угодно, назовите, как хотите. Когда человек голоден - прежде всего накормите его; когда у человека спина болит от побоев - г позаботьтесь прежде всего о том, чтобы вылечить его и обеспечить его от подобных пассажей на будущее время; когда человек изнурен непосильною работою - дайте ему отдохнуть. Прежде всего надо устранить физическое страдание личности, а потом учить ее и развивать, или, даже лучше всего, предоставить это дело на благоусмотрение каждого отдельного лица, давая средства желающим и снимая путы с связанных. Аргумент, приводимый г. критиком: "общества чисто материальные создают движимый кредит" и т. д., звонкая фраза. Вообразите себе, что даровитый молодой человек в течение 20 лет жизни испытывает разные неудачи, утраты и разочарования; в 40 лет он старик по взгляду на жизнь; он - полнейший материалист, скептик в отношении к людям, эгоист в общепринятом, узком смысле этого слова, человек сухой, холодный, брюзгливый и тяжелый. Правильно ли вы поступите, если свалите на счет его материалистических убеждений причину всех его недостатков? Эти недостатки пришли к нему вместе с материалистическими убеждениями, но не вследствие этих убеждений; этого человека окислила жизнь; эта же жизнь дала ему трезвость взгляда, в которой надо видеть искупляющую сторону, вездюде за понесенные страдания и испытанные нравственные повреждения. Путей, ведущих к материалистическим убеждениям, очень много; одни легче, другие тяжелее, один дойдет до них простым, теоретическим размышлением, не состарившись душою, или, точнее, чувствами, другой доберется до них жизнью и купит их дорогою ценою молодости и свежести; винить в этом он все-таки должен не воспринятые убеждения, а обстоятельства своей собственной жизни.

Что применяется к отдельному человеку, то можно применить и к обществу.

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
Современное французское общество испорчено политическими событиями последнего пятидесятилетия; лучшие французские писатели сознаются в том, что ряд неудачных революций породил поколение людей, смотрящих на государственные перевороты как на азартную игру и ставящих на карту последнюю копейку, в надежде пробить себе дорогу к почестям, удовлетворяющий требованиям мелкого самолюбия. Играя таким образом великими словами и интересами, эти господа дошли до политического скептицизма, до меркантильности и вместе с тем добрались, путем чистого опыта, до материалистических убеждений. Материалист может быть брюнетом и блондином, честным и бесчестным человеком, страстным и холодным, - неужели же все эти свойства выработались из его умственных убеждений? Повторяю, аргумент г. Бестужева-Рюмина - просто звонкая фраза. Вся критическая статья его не современна ни по своему направлению, ни по своей фактической стороне. Изложение ее неясно, доказательства неубедительны и разбросаны. Полемическая тенденция бросается в глаза читателю и не гармонирует с тоном серьезного беспристрастия, который автор напрасно усиливается принять и выдержать до конца.

XVI

Если вы, гг. читатели, желаете посмотреть, как г. Дудышкин умеет быть игривым и остроумным, то приглашаю вас пробежать "Обзор русской литературы" в августовской книжке "Отечественных записок" от стр. 140 146. Тут г. Чернышевский сравнен с траппистом, {77} с аскетом; причем г. Дудышкин сознается, что сам не знает, почему это ему так кажется; тут приведены два куплета из лермонтовского "Пророка"; тут г. Дудышкин удивляется г. Чернышевскому, "как редкости, как антику"; всего не перечтешь. Чтсбы передать весь комизм этой чисто полемической части, нужно было бы переписать целые шесть страниц, но я полагаю, что игра не стоит свеч, и спешу перейти к тем отделам статьи, в которых г. Дудышкин излагает мысли, а не играет словами. Натешившись едкими выходками против г. Чернышевского, г. Дудышкин начинает с того, что отстаивает свой журнал против упрека в отсутствии направления и единства; этот упрек г. Дудышкин обращает в похвалу. "А вы нашли дурным, - говорит он, - что в "Отечественных записках" несколько частных редакторов, заведывающих отделами! Беда не в том, что несколько редакторов, а в том, что их не больше. Чем больше в журнале специалистов, тем он меньше живет общими местами, непригодными для жизни; тогда только возможны не теоретические, вычитанные из иностранных книжек, суждения о предметах русского мира, а более практические, применимые к делу".

Г. Дудышкин прикидывается, будто вовсе не понимает того, о чем говорит г. Чернышевский. Я говорю: "прикидывается", потому что решительно не могу себе представить, чтобы журналист, занимающийся своим делом больше десяти лет, не знал азбучных правил этого дела. Ему говорят о том, что редакторы и сотрудники его ходят как впотьмах, сталкиваются мнениями, противоречат друг другу и этим затемняют все представляющиеся вопросы, а он отвечает на это: "Нет, вы не говорите, что нас слишком много. Кабы больше было, было бы лучше". Да бог с вами, господа? Будь вас хоть сто человек, публике это все равно, лишь бы вы говорили толком, так, чтобы можно было понять, чего вы хотите, с чем спорите, с чем соглашаетесь. Специалисты по разным отделам могут, сколько мне кажется, сходиться в области общечеловеческих убеждений, точно так же как в этой же области могут сходиться между собою люди различных темпераментов. Если же принимать слова г. Дудышкина за чистую монету, то надо предположить, что он не подозревает существования этой области общечеловеческих убеждений и что он, кроме того, не имеет никакого понятия о том, что идея, которую проводит журнал, составляет его единственное право на существование, его разумное оправдание и объяснение перед лицом читающей публики. Из продолжения статьи оказывается, впрочем, что этот ответ г. Чернышевскому был сделан только для того, чтобы представить его нападение смешным. Эти тенденции я заметил уже у гг. Альбертини и Бестужева-Рюмина. Они существуют и у г. Дудышкина и выражаются чаще и страстнее. Продолжение его статьи говорит нам, как он понимает направление "Отечественных записок". Эта исповедь "Отечественных записок" в лице их второго редактора в высшей степени замечательна. Г. Дудышкин доказывает, что "Отечественные записки" постоянно поддерживали следующие воззрения:

1) В области экономических наук - они, пользуясь сотрудничеством Бунге, Бабста и других людей, разделяющих их убеждения, хваля Кэри, Милля, Бастиа, были постоянно на стороне практической и постоянно боролись с утопистами и

2) В области политической – _они во всех отделах_ хвалили Кавура, Маколея, Токвиля, Гизо, как людей теории, близкой к делу, как людей, высоко ценивших и высоко поставивших закон исторической постепенности.

3) Литературу я поэзию они считали тесно связанною с народною жизнью и ее лучшими духовными проявлениями, высшим проявлением всего великого и прекрасного в человеке.

Итак, практичность в делах житейских и уважение к чистому искусству вот девиз "Отечественных записок". Такое благообразное слово, как _практичность_, способно подкупить в свою пользу многих читателей, но, как это часто бывает, название и предмет оказываются двумя различными вещами. Всегда ли практичность есть хорошее качество? Практичностью называется способность применяться к существующему порядку вещей, мириться с ним, извлекать из него пользу. Если существующий порядок хорош, т. е. удобен для всех, тогда практичность – великое достоинство. Если же он дурен, тогда практичность достается на долю людей дюжинных, робких, ограниченных, дряблых или плутоватых; эти люди или молча покоряются "обстоятельствам", "судьбе", или ловят рыбу в мутной воде. Люди замечательные в такие эпохи бываю" или восторженными мечтателями, или суровыми отрицателями, или презрительными скептиками. Утопия, ювеналовская сатира и демонический смех слышатся с высот умственного мира; между тем золотая посредственность, люди, мелко плавающие, с удивлением и с неприязненным чувством прислушиваются к этим резким звукам. "Что за странный народ эти мыслители и поэты! – говорят они. – Чего им хочется! Нам хорошо, покойно. Жили бы они себе, как мы живем". Воля ваша, эти люди практичнее тех чудаков, которые попусту надсаживаются, толкуя о возможности лучшего, ругая безобразия существующих понятий и отношений или смеясь над теми системками и идеями, которыми тешатся современники. Быть практичным – значит соглашаться с мнением большинства или силы. Чиновник, берущий взятки там, где все берут, практичен; практичен тот, кто не умнее и не глупее большинства; все, что стоит выше уровня массы, непрактично; оттого-то всех великих людей ценят обыкновенно после их смерти; оттого-то гениальная личность при жизни встречается столько страданий, столько насмешек, столько грубого непонимания. "Вы находите, – говорит г. Дудышкин г. Чернышевскому, – политические убеждения таких людей, как Кавур, мизерными, мы их находим практичными". Этими словами, г. Дудышкин, вы охарактеризовали превосходно себя, свой журнал, своих сотрудников, все свое направление. Вы хвалите то, что вам по плечу, – а по плечу вам то, что кажется мизерным утопистам, т. е. людям, смотрящим дальше, чувствующим глубже и говорящим смелее. Если бы вы жили во времена Галилея, вы были бы в числе его судей; в наше время вы ограничитесь тем, что назовете Сен-Симона сумасшедшим, а Оуэна – старым идиотом. Так, что ли? А ведь я вам укажу на противоречие, г. Дудышкин. Если ваше уважение к чистому искусству – не фраза, если вы действительно способны чувствовать прекрасное, то вы, как художник, должны восхищаться утопиями, величественными построениями человеческого ума, сбросившего всякие оковы и идущего вперед с неудержимою силою, с неотразимою последовательностью. Как художник, вы при оценке их должны быть способны стать выше мизерного взгляда сухой практичности; если же вы хоть на минуту посмотрите на них как на создания сильного ума, а не как на бред сумасшедшего, если вы только дадите себе труд взглянуть на них серьезно, то вы, как критик, должны будете сознаться, что во всех этих утопиях есть одна хорошая сторона: отрицание существующих нелепостей и желание стать выше их. Вы цитируете как практических мыслителей Бокля и Милля. Да ведь Бокль и Милль – англичане. Поймите это, г. Дудышкин.

Говоря об отношениях "Отечественных записок" к эстетическим интересам, г. Дудышкин самодовольно противопоставляет свободное искусство искусству, порабощенному интересом общественного и экономического быта. Я разделяю с г. Дудышкиным его отвращение к дидактизму, к поучительным повестям и к комедиям с добродетельною целью. Но позволю себе заметить, что бывают такие деловые эпохи, когда все мыслящие и чувствующие люди, а следовательно и художники, поневоле заняты насущными нуждами общества, не теряющими отлагательства и грозно, настоятельно требующими удовлетворения. В такие эпохи вся сумма умственных сил страны бросается в омут действительной жизни. Тогда историк поневоле делается страстным адвокатом или беспощадным судьей прошедшего; поневоле поэт делается в своих произведениях поборником той идеи, за которую он стоит в своей практической деятельности.

Беспристрастие, эпическое спокойствие в подобные эпохи доступны только

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org людям холодным или мало развитым, людям, которые или не понимают, или не хотят понять, в чем дело, о чем хлопчут, отчего страдают, к чему стремятся их современники. Читая Фета или Полонского, я буду отдавать справедливость благоухающей грации их картин и мотивов, но решительно откажу и тому и другому в обширности горизонта, в глубине кипучего чувства, в смелости и зоркости взгляда. Замечательный поэт откликнется на интересы века не по долгу гражданина, а по невольному влечению, по естественной отзывчивости. Стоит стать на эту точку зрения, чтобы увидеть, что все споры о назначении искусства – просто переливание из пустого в порожнее. На поверку-то и выйдет, что девиз "Отечественных записок": "практичность и служение чистому искусству" – сводится на возглас: "Vivat aurea mediocritas!" (да здравствует золотая посредственность!), потому что только золотая посредственность способна наслаждаться идеями, не выходящими из уровня мешанской практичности, только она способна в деле искусства руководствоваться предвзятою теориею, а не живым непосредственным чувством; исповедь "Отечественных записок" подтверждает то, что я сказал в их общей характеристике. Ненависть к свистунам, отстаивание серьезной науки, т. е. неумение возвыситься от факта до идеи, бесцветность литературной критики, отсутствие ясных житейских убеждений при вывеске практичности – все объясняется одним словом: "золотая посредственность", или, что то же, бесплодное трудолюбие и бесцельная кропотливость.

XVII

Не довольно ли, читатель? Не пора ли кончить? Скажу еще несколько слов. В деле г. Юркевича "Отечественные записки", конечно, стоят на его стороне, во-первых, потому, что он против г. Чернышевского; во-вторых, потому, что он за рутину; в-третьих, потому, что его доводы чрезвычайно туманны, как вообще доводы идеалистов, старающихся поддержать свои построения путем диалектики. Спорить с г. Юркевичем уже потому было бы смешно, что за этим спором не стала бы следить публика. Если уж кому-нибудь придет желание поспорить с ним, то гораздо лучше сделать это путем частного письма, вместо того чтобы заваливать журнал неудобоваримыми статьями. "Отечественные записки" гостеприимно предлагают г. Чернышевскому свой журнал для ведения полемики с Юркевичем. В этом предложении они остаются строго верны себе. Они любят те статьи, которые ошеломляют публику сухостью предмета, туманностью изложения и баснословным количеством мудреных терминов. Признавая себя круглым невеждою в деле философии, г. Дудышкин обнаруживает в этом случае общую черту людей темных – охоту послушать то, чего не понимаешь. Но что касается до г. Чернышевского, то мы надеемся, что для увеселения г. Дудышкина он не примет радушного приглашения "Отечественных записок" и не возобновит с ними тех сношений, которые, как язвительно замечает г. Дудышкин, были прерваны по поводу его знаменитой диссертации. {78}

В заключение моей статьи мне остается только довести до сведения публики неблагоприятный поступок г. Дудышкина, касающийся уже лично меня. В июльской книжке "Русского слова" я поместил статью об одной книге Молешотта; {79} статья эта, как и следовало ожидать, не понравилась г. Дудышкину, как почитателю г. Юркевича. Желая побить Чернышевского его же оружием, г. Дудышкин воспользовался моею статьею, чтобы показать, до каких нелепых заключений доводит гибельное лжемудрие. "Школа, к которой принадлежит г. Чернышевский, – пишет ученый критик, – говорит нам: ни нравственных, ни общественных причин в развитии общества не существует, существуют одни материальные причины". Затем следует выписка из моей статьи, выписка изумительно нелепая по своему содержанию; вот она: "Бедная Ирландия никогда не выйдет из того несчастного положения, в котором находится, пока будет есть картофель и не заменит его чечевицею или бобами; реформация, сильно развившаяся на севере Германии, обязана своими успехами введению в употребление чаю; английская революция обязана своим страстным характером кофею; повсеместное развитие идей в начале XVIII столетия происходит от введения в общее употребление чаю и кофе". Прочитав эту выписку, я ужаснулся. Неужели я мог написать такую чепуху? Неужели я нашел в английской революции страстный характер и вывел его из кофе? Неужели я объяснил реформацию чаем? Во мне шевельнулось сомнение, я внимательно просмотрел всю мою статью и совершенно успокоился. Того места, которое выписал г. Дудышкин, в ней положительно нет. Говорится в ней и об Ирландии, и об северной Германии, об чае и кофе, но только в разных местах и совсем не так, как выписывает г. Дудышкин. Вот, например, об Ирландии ("Русское слово", 1861, июль, "Иностр лит", стр. 31):

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
"Может ли, – восклицает Молешотт, – ленивая картофельная кровь придавать мускулам силу для работы и сообщить мозгу животворный толчок надежды? Бедная Ирландия! Твоя бедность родит бедность! Ты не можешь остаться победительницей в борьбе с гордым соседом, которому обильные стада сообщают могущество и бодрость".

А вот что сказано о реформации и о чае (стр. 50): "Генрих Кениг говорит, что кофе принадлежит католикам, а чай – протестантам. Действительно, тщательные наблюдения показали, что кофе развивает силу воображения, а чай изоощряет критическую способность ума; в северной Германии преобладает чай, в южной – кофе. Движение идей, начавшееся в XVIII столетии, совпадает с введением в Европе чая и кофе во всеобщее употребление". Эти слова составляют почти буквальный перевод из Молешотта. О страстном характере английской революции, о распространении реформации посредством чая – ни слова. Нелепости, сочиненные г. Дудышкиным, по всем правам принадлежат ему самому. Не знаю, как оправдает или объяснит свой поступок г. Дудышкин; я считаю этот поступок бесчестным и печатно называю его литературным подлогом.

1861 г. 3 сентября.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатана в кн. 5 (гл. I–X) и кн. 9 (гл. XI–XVII) журнала "Русское слово" за 1861 г. Первая часть статьи датирована в журнале: "1861. 12 мая"; вторая: "1861. 3 сентября". Затем статья вошла в ч. 9 первого издания сочинений (1868).

При опубликовании в журнале статья подверглась цензурным искажениям. Особенно значительны были они в первой ее части (гл. II, III, IV, V, VI и VII), а также в главе XV. Оказались исключенными или измененными те места, где говорилось о крепостнических отношениях, об угнетении личности и социальном неравенстве, о подавляющем влиянии "авторитетов" и т. д. Ниже в примечаниях отмечаются наиболее существенные из этих искажений журнального текста. В журнальном тексте имелись и другие мелкие отличия от текста первого издания, не связанные с цензурными изменениями.

Здесь статья воспроизводится по тексту первого издания с внесением некоторых мелких исправлений по тексту журнала.

Статья составляет важный эпизод в борьбе между журналистикой революционно-демократического направления и органами реакционной и либерально-охранительной печати. Изложив в первой части статьи ту идейную программу, которую он отстаивал в это время (см. об этом вступительную статью), Писарев посвятил вторую часть статьи острой полемике с реакционной и либеральной журналистикой. Он первый выступил здесь в защиту Чернышевского и его направления от нападок и инсинуаций со стороны реакционной прессы. Поход против революционных демократов в 1861 г. начал реакционный публицист М. Катков в журнале "Русский вестник". В заметке "Несколько слов вместо "Современной летописи" (э 1 "Русского вестника"), в статье "Старые боги и новые боги" (э 2) Катков ополчился на материалистические идеи Чернышевского и его последователей. В э 5 "Русского вестника" были напечатаны извлечения из статьи реакционного философа П. Юркевича, пытавшегося "опровергнуть" философские взгляды Чернышевского, выводы его знаменитой работы "Антропологический принцип в философии". "Русский вестник" Каткова, выдавая себя за орган солидной "научной" критики и прикрываясь отдельными либеральными фразами, систематически клеветал на революционных демократов, пытался представить их людьми невежественными, отрицателями ради отрицания и т. д. (статья Каткова "Наш язык и что такое свистуны?" в кн. 3, его же заметка "По поводу полемических статей в "Современнике" в кн. 6 и др.). К "Русскому вестнику" присоединился и журнал "Отечественные записки", бывший в это время органом либерально-охранительного направления. В кн. 8 этого журнала за 1861 г. было помещено сразу шесть статей, ставивших целью дискредитировать "Современник" и его редактора. В яростных нападках на "Современник" и революционно-демократическую литературу приняли участие и другие реакционные журналы – "Домашняя беседа", издававшаяся мракобесом Асоченским, "Время", "Библиотека для чтения".

Чернышевский, наряду с другими статьями, посвященными резкой критике реакционной политики и идеологии, поместил в кн. 6 и 7 журнала

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org "Современник" за 1861 г. две статьи под общим названием "Полемические красоты". В них была дана отповедь "Русскому вестнику" и "Отечественным запискам". "Полемические красоты" Чернышевского вызвали новый прилив яростного раздражения и клеветнических измышлений в реакционных журналах. Именно в этот момент и появилась вторая часть статьи Писарева, вскрывавшая реакционную подоплеку выступлений "Русского вестника" и "Отечественных записок" и показавшая бессилие их попыток "опровергнуть" Чернышевского. В связи с общим подъемом революционного движения в стране во второй половине статьи с особой силой и прямоотой были высказаны Писаревым требования устранить и разбить то, что обветшало и мешает свободному развитию народа. Несмотря на отдельные расхождения с выводами Чернышевского в этой статье (см. возражения Писарева по поводу положений статьи Чернышевского "О причинах падения Рима"), Писарев выступил здесь как убежденный сторонник революционно-демократического направления, в защиту журнала "Современник" и его руководителей. Именно так и было воспринято читателями это его первое крупное выступление в демократической журналистике. Реакционеры и либералы увидели в Писареве нового талантливую и опасного врага. Статья Писарева подверглась нападкам со стороны "Русского вестника" в том же году. Характерна в этом смысле и запись в дневнике цензора А. Никитенко от 14 октября 1861 г.: "В "Русском слове" появился новый пророк в модном направлении - Писарев. Он... теперь поместил в "Русском слове" статью "Схоластика XIX века и процессы жизни" (Никитенко здесь искажил название статьи, объединив ее с другой статьей Писарева "Процесс жизни", также опубликованной в кн. 9 "Русского слова". Ред.), прочитав ее, признаюсь, я даже раздражился, и в этом расположении духа я говорил слишком горячо, делая мой доклад (в Главном управлении цензуры. - Ред.)" (А. В. Никитенко, Моя повесть о самом себе, т. II, СПб. 1905, стр. 45).

1 "Русский вестник" - журнал, начавший выходить с 1856 г. Издавался М. Катковым. Начав с программы весьма умеренного буржуазно-дворянского либерализма, в ходе обострения классовой борьбы в 1860-х гг. журнал занял крайне реакционные позиции (особенно откровенно с 1863 г.).

2 Диспут Погодина с Костомаровым происходил в Петербургском университете 19 марта 1860 г. и был посвящен вопросу о происхождении русского государства. Реакционный историк М. Погодин отстаивал в этом споре так называемую "норманскую теорию" происхождения Руси, приписывая роль организаторов древнерусского государства - варягам, выходцам из Скандинавии. Эту "теорию" Погодин изложил в своей книге "Норманский период русской литературы" (1859). В кн. 1 "Современника" за 1860 г. Добролюбов поместил рецензию на книгу Погодина, разоблачив ее реакционный смысл. В том же номере "Современника" была напечатана и статья историка Н. И. Костомарова "Начало Руси", в которой он доказывал несостоятельность "теории" Погодина, отстаивая столь же несостоятельную теорию о литовском происхождении Руси. В феврале 1860 г. Погодин обратился к Костомарову с письмом, в котором вызывал его на публичный диспут и делал резкие выпады против "Современника". На диспуте Погодин был оштрафован студентами. После диспута он поспешил заявить в журнале "Русская беседа" (1860, кн. 19), что его вызов Костомарову был только "шуткой". Диспут явился предметом активного обсуждения в тогдашней периодической печати. Чернышевский резко охарактеризовал Погодина и его "теорию" в статье "Замечания на "последнее слово г. Погодину" г. Костомарова" ("Современник", 1860, кн. 5), а Добролюбов ядовито осмеял его в сатирическом отделе "Свисток" в той же книге журнала. - "Русская беседа" журнал, издававшийся московскими славянофилами в 1856-1860 гг. Один из идеологов славянофильства А. С. Хомяков выступил против материализма в статье "О современных явлениях в области философии" ("Русская беседа", 1859, т. 1).

3 "Русская беседа" в течение нескольких лет печатала... исследования... - В "Русской беседе" в 1856-1860 гг. регулярно помещались большие статьи публицистов славянофильского направления, посвященные вопросам русской истории, философии и литературы. Все эти статьи, несмотря на наличие в некоторых из них интересных наблюдений (напр., в исследовании И. П. Беляева о русской общине) и отдельных либерально-оппозиционных высказываний, характеризуются приверженностью реакционной славянофильской доктрине, враждою к демократическому движению и материализму. - "Отечественные записки"... приложили... сборник песен г. Якушкина... - Имеется в виду собрание народных песен, составленное известным писателем-этнографом П. И. Якушкиным; первое издание его сборника появилось в 1860 г. в приложении к журналу "Отечественные записки". - "Отечественные записки" - журнал, издававшийся А. Краевским; после ухода из журнала В. Г. Белинского в 1847

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
г. и до перехода журнала под редакцию Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина в 1868 г. являлся органом либерально-охранительного направления; издателями-редакторами журнала в эти годы были: беспринципный делец в журналистике Краевский и критик Дудышкин, один из апологетов теории "чистого искусства". - ...в "Светоче"... описана русская свадьба... - Имеется в виду статья М. Кривошеина "Русская свадьба с ее обрядами и песнями", опубликованная в журнале "Светоч", 1861, кн. 2. Журнал "Светоч" (1850-1862 гг.), издававшийся Д. И. Калиновским, - довольно бесцветный либеральный орган, ставивший себе целью "примирить противоположные учения западников и восточников" (т. е. славянофилов). "Время" - журнал, издававшийся в 1861-1863 гг. М. М. Достоевским при ближайшем участии Ф. М. Достоевского. Журнал был органом так называемых "почвенников", близких к славянофилам. Понятия "почва" и народность, о которых постоянно толковалось в журнале, получили в нем реакционную трактовку. С первых номеров журнал выступил против революционно-демократической программы "Современника". Выступления журнала "Время" против "Современника" стали особенно ожесточенными во второй половине 1861 г. Со статьями против "Современника" выступали Ф. Достоевский, Страхов и др.

4 Говоря о космополитическом направлении журнала "Современник", Писарев, очевидно, хочет подчеркнуть то обстоятельство, что "Современник" уделял серьезное внимание как вопросам развития демократического движения в России, так и положению трудящихся масс, экономике и политике стран Запада. Являясь органом легальным, подцензурным, "Современник" при этом, говоря о явлениях западной жизни, часто имел в виду и русские дела, о которых прямо высказаться было невозможно. Что касается журнала М. Каткова "Русский вестник", то в нем в 1856-1861 гг. постоянно и много писалось о политическом устройстве Западной Европы, особенно Англии. Каткова обычно его современники характеризовали как "англомана". Ему особенно импонировало сохранение в английском буржуазном устройстве аристократических пережитков, важная роль крупного и среднего землевладения в местном самоуправлении и т. д.

6 ...вопрос об эмансипации разрешился независимо от журнальных толков... - В ходе подготовки крепостниками крестьянской реформы 1861 г. правительство постоянно ставило преграды свободному обсуждению крестьянского вопроса в журналистике. Особенно тяжел был цензурный гнет в этом вопросе в отношении журнала "Современник". Не имея возможности сколько-нибудь прямо и ясно высказать свое отношение к условиям готовящейся реформы, "Современник" вообще в 1860 г. перестал публиковать статьи по крестьянскому вопросу. Воскресные школы для бесплатного обучения взрослого населения из народа начали возникать в России по общественной инициативе с 1859 г. в связи с общим подъемом демократического движения. Еще 30 декабря 1860 г. министр народного просвещения, по указанию шефа жандармов, подписал циркуляр, вводивший строгое наблюдение за деятельностью этих школ. В июне 1862 г. царское правительство, испуганное ростом числа этих школ и активным участием в их организации передовой интеллигенции, издало распоряжение об их закрытии. Обсуждению вопроса о воскресных школах в печати ставились цензурные рогатки, что и хочет здесь отметить Писарев. Характерно, что это место статьи в журнальном тексте было искажено цензурой.

6 Говоря о том, что наша журналистика не может иметь никакого влияния на решение административных вопросов, Писарев имеет в виду невозможность для революционно-демократической печати прямо и полно высказать свое мнение по всем существенным вопросам переустройства общества.

7 Отрывок со слов: "нет сомнения, что помещики" и кончая словами: "понятие теоретика-литератора, воодушевленного самыми бескорыстными и гуманными стремлениями", был исключен цензурой в журнальном тексте статьи.

8 Отрывок со слов: "Русский крестьянин, быть может, еще не в состоянии" и кончая словами: "только одна литература и в состоянии выполнить", был вычеркнут цензурой в журнальном тексте статьи.

9 ...грошовые издания, о которых было говорено в мартовской книжке "Русского слова"... - см. статью "Народные книжки" в этом томе. - "Народное чтение" - см. прим. 5 к указанной статье.

10 Отрывок со слов: "наши журналисты мечтают", кончая словами: "кроме этого мира благородных, но неосуществимых мечтаний", был исключен цензурой в журнальном тексте статьи.

11 История с Толмачевой – яркий эпизод в полемике 1861 г. Некая Е. Э. Толмачева, дама из Перми, выступила с чтением на благотворительном вечере импровизации из "Египетских ночей" Пушкина. Это выступление было описано неизвестным корреспондентом в газете "С.-Петербургские ведомости". В э 8 еженедельного журнала "Век" поэт П. И. Вейнберг выступил под псевдонимом "Камень Виногоров" с фельетоном, где осмеивал Толмачеву, высказав при этом ряд пошлых и грязных намеков по ее адресу. Этот эпизод с Толмачевой и фельетоном Вейнберга служил в течение нескольких месяцев 1861 г. одним из предметов острого обсуждения в журналах и газетах. См. также прим. 15.

12 Эти слова о свободном проявлении чувства были исключены цензурой в тексте "Русского слова".

13 В 1859–1860 гг. женщины стали посещать лекции в качестве вольнослушательниц в Петербургском университете. Консервативная профессура встретила враждебно эти первые попытки женщин получить образование.

14 Весь этот абзац был изъят цензурой из журнального текста статьи.

15 ...Михайлов и спущенная им стая. – В истории с Толмачевой активное участие принял известный поэт и выдающийся революционно-демократический деятель М. Л. Михайлов. В э 51 газеты "С.-Петербургские ведомости" было опубликовано его письмо, в котором он резко осудил поступок Вейнберга и выступил в защиту полной эмансипации женщин. Вслед за письмом Михайлова в той же газете были опубликованы и некоторые другие осуждающие поступок "Века" письма. Злобный выпад против М. Л. Михайлова и других сторонников равноправия женщин был сделан Катковым в журнале "Русский вестник" (1861, кн. 3, статья "Наш язык и что такое свистуны?"), где, между прочим, говорилось, что фельетона Вейнберга "никто бы не заметил, если бы не гаркнула вся эта стая, спущенная г. Михайловым".

16 "А время вещь какая?" – несколько измененная цитата из басни И. И. Хемницера "Метафизик". Образ хемницеровского метафизика, свалившегося в яму и не желающего воспользоваться спущенной ему отцом в яму веревкой до тех пор, пока тот не ответит на вопросы о том: "веревка вещь какая?", "а время что?", – стал ходячим типом поверхностного мыслителя-книжника, отрешенного от действительной жизни.

17 Конец главы, начиная со слов: "Витать мыслью в радужных сферах фантазии", подвергся цензурному отсечению в журнальном тексте статьи.

18 Автор статьи "Капризы и раздумьем – А. И. Герцен, имя которого запрещено было употреблять в подцензурной русской печати 1860-х гг. Писарев имеет здесь в виду произведение Герцена "Капризы и раздумье. II. По разным поводам", впервые опубликованное в "Петербургском сборнике" 1846 г.

19 Имеется в виду статья А. Григорьева "Искусство и нравственность, новые Grubelem (мудрствования. – Ред.) по поводу старого вопроса", опубликованная в журнале "Светоч", 1861, кн. 1.

20 Приводимые Писаревым выражения взяты из статей А. Григорьева "Западничество в русской литературе, причины происхождения его и силы. 1836–1851" ("Время", 1861, кн. 3) и "Реализм и идеализм в нашей литературе (по поводу нового издания сочинений Писемского и Тургенева)" ("Светоч", 1861, кн. 4).

21 Отрывок со слов: "религиозные войны, утопические теории" до слов: "Наполеона III" был исключен цензурой при опубликовании статьи в журнале.

22 "Домашняя беседа" – журнал, издававшийся в 1858–1877 гг. реакционером и мракобесом В. И. Аскоченским; выступал с изуверски-крикливыми выпадами против науки и прогресса. Журнал служил постоянным предметом ядовитого осмеяния со стороны всех передовых деятелей того времени.

23 Свистуны (от названия сатирического отдела "Свисток", основанного в "Современнике" Добролюбовым) – кличка, пущенная впервые по адресу революционно-демократических писателей Катковым (см. его "Несколько слов вместо "Современной летописи" в кн. 1 "Русского вестника" за 1861 г.) и затем сделавшаяся ходячей в реакционной печати. В журналистике 1860-х гг. также нередко глагол свистеть употреблялся в особом смысле: "выступить о

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
критикой, осмеянием и отрицанием старого".

24 Редакция "Времени" писала в программе журнала, опубликованной перед началом его издания, что она будет вести борьбу с авторитетами, с "литературными генералами". О неопределенности этого заявления писал Чернышевский в своей статье о первом номере журнала "Время" (см. Полн. собр. соч., т. VII, М. 1950, стр. 950 и сл.). Писарев же указывает здесь как на; "литературных генералов" и "литературных богдыханов" на публицистов "Русского вестника" и "Отечественных записок".

25 Мальчишки – одна из кличек, которую наделила реакционная печать представителей революционной демократии. Так, Катков (в кн. 1 "Русского вестника" за 1861 г.) бросал обвинение критике "Современника" в "мальчишеском забиячестве".

26 Указанная статья Н. Д. Ахшарумова ("Отечественные записки", 1857, кн. 7) была посвящена защите реакционной теории "чистого искусства". Статья Ахшарумова лишь частный эпизод в той борьбе, которая развернулась по вопросам искусства и его отношения к действительности в 1856–1858 гг. Чернышевский в своей диссертации "Эстетические отношения искусства к действительности" и в "Очерках гоголевского периода" развил материалистический взгляд на искусство и его задачи, провозгласил активную общественную роль литературы, защищал гоголевское, реально-критическое направление в литературе. В полемике с ним с позиций реакционного "чистого искусства" против гоголевского направления в литературе выступили Дружинин, Дудышкин и др.

27 Испанский король и глава "священной Римской империи" Карл V, после военных неудач в борьбе его с Реформацией, в 1556 г. сложил с себя корону и удалился в монастырь св. Юста в Эстремадуре (Испания), где и умер.

28 Об этом говорилось в неподписанном критическом обзоре (Дудышкина) в кн. 2 "Отечественных записок" за 1861 г. по поводу программы журнала "Время", объявлявшей войну "литературным генералам".

29 Метафизик Хемницера – см. прим. 16.

30 Говоря об обличительном мусоре, завалившем наши журналы 1857 и 1858 годов, Писарев имеет в виду поток мелких обличительных произведений, распространившихся в либеральной дворянской литературе в первые годы после Крымской войны. Особенную популярность приобрели в дворянско-чиновничьей среде такие произведения, как комедия "Чиновник" В. Соллогуба, обличительные пьесы Н. Львова и т. п. "Обличение" в этих произведениях было направлено на отдельные частные злоупотребления чиновников. Эта литература и не помышляла о критике существующего строя. Она проводила либеральные иллюзии, говоря о намерениях правительства "искоренить зло" и противопоставляя изобличаемым взяточникам, бюрократам и т. п. ходульные фигуры "идеальных" чиновников-бюрократов "новой формации". Уничтожающая критика этой беззубой обличительной литературы была дана в ряде статей Добролюбова ("Сочинения графа В. А. Соллогуба", "Губернские очерки", "Литературные мелочи прошлого года" и др.).

31 – бов. – один из псевдонимов, под которыми выступал в "Современнике" Н. А. Добролюбов.

32 Статья А. Григорьева в журнале "Светоч" (1861, э 4) называлась "Реализм и идеализм в нашей литературе"; в ней Писемскому, как представителю реализма в литературе, противопоставлялся Тургенев, как представитель "идеализма".

33 Неделимое – см. прим. 7 к статье "Идеализм Платона".

34 Статья "Природа и Мильн-Эдвардс" русского ученого-зоолога Н. П. Вагнера, талантливого популяризатора, была напечатана в журнале "Отечественные записки", 1860, кн. 10 и 11. Она посвящена разбору взглядов французского зоолога Анри Мильн-Эдвардса, крупного систематика вместе с тем бывшего противником эволюционных идей в биологии.

35 "Никто же их не бита, сами ся мучиху" ("никто их не бил, но сами себя мучили") – несколько измененное выражение из рассказа о новгородцах во вступлении к древнерусскому летописному своду – "Повести временных лет".

36 Гуманисты – см. прим. 3 к статье "Народные книжки".

37 Мертвая доктрина г. Новицкого и составителя "Философского лексикона"... – Речь идет о двух реакционных философах, профессорах Киевской духовной академии – О. М. Новицком и С. С. Гогоцком (составитель "Философского лексикона"). Говоря о "семинарской философии", не находящей себе читателей "вне пределов известной касты", иронически указывали, что эта философия "не от мира сего и мир ее не поймет", Писарев в условиях подцензурной печати разоблачает связь этих философов, ожесточенно нападавших на материализм с реакционной поповщиной.

38 ...Антонович своей рецензии "Философского лексикона"... – Писарев имеет в виду статью М. А. Антоновича "Современная философия". В ней, а также в статье "Два типа современных философов ("Современник", 1861, кн. 4) философия идеализма и в частности лексикон Гогоцкого были подвергнуты, критике с позиций материализма.

39 Статьи г. Лаврова – "Гегелизм" (журнал "Библиотека для чтения", 1858, э 5), "Практическая философия Гегеля" (там же, 1859, э 4), "Метафизическая теория мира" ("Отечественные записки", 1859, э 4), "Современные германские теисты" ("Русское слово", 1859, э 7). – Теисты сторонники философско-богословского учения, утверждающего существование бога как личности, творца мира. В статье о германских теистах П. Лавров рассматривал с позиций агностицизма теории немецких идеалистов Фихте-младшего, Фишера и др.

40 "Три беседы о современном значении философии" вышли и отдельным изданием (СПб. 1861). В них Лавров, типичный эклектик в философии, проводил взгляды буржуазного позитивизма и разделял важнейшие положения идеалистической философии Канта. В "Антропологическом принципе в философии" Чернышевский подверг критике эклектизм Лаврова в связи с разбором ранее вышедшей книги последнего "Очерки вопросов практической философии" (1860).

41 Слова купца Густомесова из пьесы Островского "Старый друг лучше новых двух" (д. II, явл. 4).

42 Имеется в виду статья М. А. Антоновича "Два типа современных философов", посвященная разбору лекций Лаврова.

43 Писарев имеет в виду статью критика и философа-идеалиста Н. Н. Страхова "Содержание жизни" ("Светоч", 1861, кн. 1 и 2), где воспроизводились типично идеалистические взгляды на жизнь, и статью критика Е. Н. Эдельсона, выступавшего в защиту "чистого искусства" и идеалистической философии, "Идея организма" ("Библиотека для чтения", 1860, кн. 3).

44 "Ксении" – сборник (1796), выпущенный Гете и Шиллером; содержал эпиграммы, направленные против мещанско-филистерской литературы в Германии их времени. – О словах свистеть, свистун – см. прим. 23.

45 ...свистал Брамбеус... – Писарев имеет в виду критические статьи Ц1 О. И. Сенковского (псевдоним: Барон Брамбеус), выступавшего с довольно S, резкой, но часто беспринципной критикой современной литературы. В 1850-х гг. Сенковский выступал с критическими фельетонами в журнале "Сын отечества". Статья С. Дудышкина "Сенковский – дилетант русской словесности" была помещена в журнале "Отечественные записки за 1859 г., кн. 2.

46 Ближайшими литературными друзьями Белинского здесь Писарев иносказательно называет Герцена и Огарева, чьи имена нельзя было прямо привести по цензурным условиям. – ...до сих пор свищут... богатырским свистом... – Имеется в виду издание Герценом и Огаревым боевого органа свободной, бесцензурной печати – "Колокола".

47 Кто же... осмеливался относиться скептически к деятельности Росселя и Кавура? – Оценка двух представителей тогдашнего западноевропейского, буржуазного либерализма – главы партии вигов в Англии Джона Росселя и итальянского государственного деятеля, главы кабинета министров королевства Пьемонт графа Камилло Бензо Кавура – была предметом резкой полемики между русскими журналами демократического и либерально-охранительного лагеря в 1861 г. Резко отрицательная оценка Росселя была дана в статье Г. Е. Благодетель "Маколей" ("Русское слово", 1861, кн. 1), где этот английский

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org либерал был назван "умственной малостью". В ответ на попытки со стороны либерально-охранительной печати превознести Росселя Благовестов выступил со специальной статьей "Несколько слов по поводу "Отечественных записок" и "Русской речи" ("Русское слово", 1861, кн. 4). Резкую оценку деятельности Кавура с революционно-демократических позиций дали в "Современнике" Чернышевский (статья "Граф Кавур" в кн. 6 за 1861 г.; также неоднократно в отделе "Политика" за 1859-1861 гг.) и Добролюбов (статья "Письмо из Турина" - кн. 3 за 1861 г. и "Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура" - кн. 6 и 7 за 1861 г.). Эти выступления имели актуальное значение, так как разоблачали русских либералов, поклонников Кавура и Росселя, и их политику соглашения с царизмом и крепостниками.

48 кто находил сухими и бесполезными ученые труды гг. Буслаева и Срезневского? - Критике работ Ф. И. Буслаева по истории искусства и филологии были погашены статьи А. Н. Пыпина "По поводу исследований г. Буслаева о русской старине" ("Современник", 1861, кн.1) и Д. Л. Мордовцева "Исторические очерки русской народной словесности и искусства Буслаева" ("Русское слово", 1861, кн. 2-4). Оценке работ Буслаева и освещению его полемики с Пыпиным посвящена также часть "коллекции второй" "Полемических красот" Чернышевского. Критике филологических взглядов И. И.Срезневского была посвящена статья Р. Р. (Г. Е. Благовестова) "Воспоминания о В. В. Ганке" И. И. Срезневского" ("Русское слово", 1861, кн. 8).

49 Писарев говорит здесь о систематической борьбе журнала "Современник" против идеализма (статьи 1860-1861 гг. Чернышевского, Добролюбова и Антоновича); он имеет в виду также и свою статью "Идеализм Платона" и ранее опубликованную первую часть данной статьи.

50 кто дерзнул обвинить Гизо в историческом мистицизме... - Писарев имеет в виду критику со стороны Чернышевского фаталистического "оптимизма" Гизо, согласно которому все исторические события полезны, данную в рецензии на перевод книги Гизо "История цивилизации в Европе" ("Современник", 1860, кн. 9) и в статье "О причинах падения Рима" (там же, 1861, кн. 5). ...Лаврова - в неясности формы и неопределенности направления... - Имеется в виду статья М. А. Антоновича "Два типа современных философов" ("Современник", 1861, кн. 4), а также первая часть данной статьи Писарева. В наивности и староверстве обвинял Буслаева А. Н. Пыпин в "Современнике". ...Юркевича - в отсталости и в любомудрии... - Писарев имеет в виду статью Чернышевского "Полемические красоты. Коллекция первая", где Чернышевский, между прочим, замечал, что написанная в опровержение его "Антропологического принципа в философии" статья Юркевича "Из науки о человеческом духе" излагает такие взгляды, которые ему, Чернышевскому, известны еще со времени его обучения в духовной семинарии. - ... Пирогова - в патриархальности педагогических приемов... - В "Правилах о проступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа", составленных при участии Н. И. Пирогова, бывшего тогда попечителем Киевского учебного округа, рекомендовалось применение розог в гимназии. Пирогова за эту уступку реакции осудил Добролюбов в статье "Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами". Кроме того, эти "Правила" явились неоднократно предметом сатирических насмешек в отделе "Современника" "Свисток". - В вялости тона и в отсутствии направления обвинял "Отечественные записки" Н. Г. Чернышевский в статье "Полемические красоты. Коллекция вторая". В первой статье из той же серии Чернышевский подверг уничтожающей критике и осмеянию направление "Русского вестника".

51 Политические статьи Благовестова. - Благовестов в "Русском слове" за 1860-1861 гг. вел отдел "Политика. Обзор современных событий". - Статья о Молешотте - статья Писарева "физиологические эскизы Молешотта", опубликованная в кн. 7 "Русского слова" за 1861 г. - Рецензия стихотворений Сквороды. - Имеется в виду восторженная рецензия на издание сочинений украинского философа и поэта Гр. Сквороды, опубликованная историком Н. И. Костомаровым в журнале "Основа" (1861, кн. 7). В кн. 8 "Русского слова" за тот же год был опубликован иронический отзыв на эту рецензию, написанный Во. Крестовским ("Ходатайство г. Костомарова по делам Сквороды и г. Срезневского"). - "Дневник Темного человека" - сатирические фельетоны поэта Д. Д. Минаева, систематически печатавшиеся в "Русском слове" с февраля 1861 г. по август 1864 г. Чутко реагируя на события текущей жизни, "Дневник Темного человека" подвергал осмеянию уродливые явления тогдашней действительности, выступления реакции в литературе, поэзию "чистого искусства". - "Свисток" - сатирический отдел в "Современнике", организованный Добролюбовым в 1859 г. и сыгравший большую роль в борьбе с крепостничеством и реакцией. В отделе печатались талантливые сатирические

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
статьи, фельетоны и стихотворения, обличавшие реакционеров и либералов.

52 Некий помещик Козляинов избил на Николаевской железной дороге одну пассажирку; немец архитектор Вергейм избил извозчика на Итальянской улице в Петербурге. В 1861 г. эти два эпизода явились предметом острого обсуждения в журналах и газетах.

53 Писарев цитирует здесь статью Н. Н. Страхова (псевдоним: Н. Ко, т. е. Н. Косица) "Еще о петербургской литературе" ("Время", 1861, кн. 6), где Страхов выступал против первой части данной статьи Писарева.

54 ... если энциклопедический словарь дойдет до буквы ч... - В 1861 г. начал издаваться под редакцией Краевского "Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами". Предшествующая попытка создания Энциклопедического словаря под ред. Старчевского была предпринята неудовлетворительно, его издание оборвалось, не дойдя до середины,

55 "Первая коллекция" "Полемических красот" чернышевского появилась в кн. 6 "Современника" за 1861 г. В июньской же книжке "Русского вестника" Катков поместил статью (без подписи) "По поводу "Полемических красот" в "Современнике".

56 Имеется в виду неподписанная статья "Прогресс скандала", помещенная в журнале "Светоч", кн. 7 за 1861 г.

57 Раздражение г. Погодина, выразившееся... в изобретении слова "свистопляска"!... - Реакционный историк М. П. Погодин пустил в ход слово "свистопляска", имея в виду "Современник" и его руководителей, в своем ответе Н. И. Костомарову по поводу спора о норманнах (см. прим. 2). ...негодование г. Буслаева... - Письмо Буслаева, представлявшее собою раздраженный ответ на статью Пыпина (см. прим. 48), было помещено в кн. 4 "Отечественных записок" за 1861 г.; над ним едко иронизировал Чернышевский в "Полемических красотах". - ...гнев г. Вяземского, посвятившего свистунам сатирическую песнь лебеда... - "Лебединой песней" Вяземского Писарев, видимо, иронически называет здесь его стихотворение "Заметка", помещенное в "Русском вестнике" за 1861 г. (кн. 8) и содержащее выпады против демократического лагеря.

58 История о Свечиной. - В "Русском вестнике" (кн. 4 за 1860 г.) была помещена статья писательницы Евг. Тур "Госпожа Свечина". В редакционном примечании Катков выражал свое несогласие с автором статьи. Позднее в "Современной летописи" (приложение к "Русскому вестнику") появилось "Письмо к редактору" Евг. Тур с возражениями Каткову. Там же (в э 8 "Современной летописи" за 1861 г.) была помещена ответная статья Каткова (анонимно); за нею последовала другая его статья (подписанная псевдонимом "Май") в "Московских ведомостях". Полемика Каткова против Евг. Тур, несмотря на мелочность и неосновательность его претензий, носила резкий характер. На недопустимость таких приемов и указал Чернышевский в статье "История из-за г-жи Свечиной" ("Современник", 1860, кн. 6).

59 ...попрекает г. Чернышевского... семинарию и... пишет о том, что у него крадут книги и четвертаки. - Обрушиваясь на неугодных ему журналистов, Катков писал, между прочим, в фельетоне "Одного поля ягоды": "Таких молодых действительно нельзя не побаиваться. Зарезать они не зарежут, но не кладите вашего четвертака плохо" ("Русский вестник", 1861, кн. 5, "Литературное обозрение и заметки", стр. 26). Чернышевского попрекал Саратовской семинарией Катков в фельетоне "По поводу "Полемических красот" в "Современнике" ("Русский вестник", 1861, кн. 6).

60 Легион редакторов "Отечественных записок"... - Имеются в виду редакторы отделов этого журнала (Альбертини, Громека, Дудышкин и др.). О пестроте мнений, выражаемых в разных отделах журнала, писал Чернышевский в "Полемических красотах". Дудышкин в кн. 8 "Отечественных записок" за 1861 г. подтверждал, что редакторы отделов журнала часто действуют независимо друг от друга.

61 Заканчивая первую часть своих "Полемических красот", Чернышевский выразил свое нежелание вступать в полемику с реакционным философом Юркевичем, "опровергавшим" материализм, и разбирать его "семинарскую премудрость". Относясь с полным презрением к "достоинствам" своего противника, Чернышевский ограничился лишь ироническим воспроизведением нескольких

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
страниц из сочинения Юркевича. "Русский вестник" (кн. 7 за 1861 г., статья
"Виды на entente cordiale с "Современником") попытался это представить как
якобы бессилие Чернышевского опровергнуть Юркевича.

62 Термин буддийская наука для обозначения идеализма взят Писаревым у
Герцена (ср. пятую статью - "Буддизм в науке" - в произведении Герцена
"Дилетантизм в науке").

63 С. Дудышкин в статье "Пушкин - народный поэт" ("Отечественные записки",
1860, кн. 4), между прочим, ставил вопрос: "В чем же заключается та правда,
которой еще так много в Пушкине, на которую следует указывать молодому
поколению как на путеводную звезду? В одном ли так называемом художественном
приеме или в русском взгляде на вещи?"

64 См. гл. 18 поэмы Г. Гейне "Атта Троль".

65 Ведь говорил вам Чернышевский, куда вам полемизировать! - В статье
"Полемические красоты. Коллекция вторая" Чернышевский, обращаясь к
Дудышкину и давая убийственный разбор его статьи из кн. 7 "Отечественных
записок", писал: "Где же вам вести полемику, когда вы подводите себя под
такие ответы?"

66 Слова Подхалюзина из комедии А. Н. Островского "Свои люди сочтемся" (д.
III, явл. 5).

67 Статья Н. Альбертини "Автору "Полемических красот" была посвящена
"оправданию" Кавура и нападкам на Чернышевского за его статью "Граф Кавур".

68 Статья Альбертини "Политические идеи Токвиля и отзыв о них в
"Современнике" представляет собой попытку опровергнуть выводы статьи
Чернышевского "Непочтительность к авторитетам", посвященной критике
французского буржуазного публициста А. Токвиля.

69 Статья историка К. Бестужева-Рюмина, близкого к славянофилам,
"Французские софизмы в параллель с русскими" ("Отечественные записки",
1861, кн. 8).

70 ... подлая книга Дюбуа-Гюшана... - книга французского реакционного
писателя Дюбуа-Гюшана "Тацит и его век, или общество императорского Рима от
Августа до Антонинов по отношению к современному нам обществу" вышла в
Париже в 1861 г. В этой книжке проявилась политическая тенденциозность ее
автора, ярого бонапартиста.

71 Кифа Мокиевич - тип провинциального "мудреца", выведен в главе XI
первого тома "Мертвых душ" Гоголя.

72 Руссофилы - здесь в смысле: славянофилы.

78 Имеется в виду книга Гизо "История цивилизации во Франции от падения
Западной Римской империи", перевод первой части которой вышел в Петербурге
в 1861 г.

74 Это место - со слов: "Если вы слишком натянете струну", кончая словами:
"он взбунтуется", - было вычеркнуто цензурой из журнального текста статьи.

76 Египетские терапевты, и чисто эллинские новоплатоники - см. прим. 8 к
статье "Идеализм Платона".

76 ...проект г. Щербины о "читальнике". - Речь идет о статье поэта Н. Ф.
Щербины "Опыт о книге для народа" ("Отечественные записки", 1861, кн. 2),
где был изложен план книги для народного чтения - "читальника".

77 Трапписты - один из монашеских орденов Западной Европы, основанный в XII
в.; правила для членов этого ордена отличались особенной суровостью.

78 Речь идет об "Эстетических отношениях искусства к действительности"
Чернышевского. Дудышкин писал о них в кн. 8 "Отечественных записок" за 1861
г. (в обзоре "Русская литература"); он резко выступил против
материалистической эстетики Чернышевского в статье, опубликованной еще в
кн. 6 "Отечественных записок" за 1855 г. В 1853-1855 гг. Чернышевский
сотрудничал в "Отечественных записках". Но еще в 1854 г., после встречи с

Схоластика XIX века. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
Н. А. Некрасовым, Чернышевский стал и сотрудником "Современника". Таким образом уход Чернышевского из "Отечественных записок" и переход его в качестве постоянного сотрудника в "Современник" был подготовлен самим Чернышевским, и окончательный разрыв с журналом Краевского произошел по инициативе Чернышевского, вопреки тому как пытается представить дело в цитированных Писаревым словах Дудышкин.

79 имеется в виду статья "Физиологические эскизы Молешотта".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!